

КУЗНЯ КРОВИ

МИХАИЛ ИГНАТОВ

Кровь

Михаил Тихонов

Кузня крови

«Игнатов Михаил»

Тихонов М.

Кузня крови / М. Тихонов — «Игнатов Михаил», — (Кровь)

Мало кто осмелится бросить вызов нашему Малому Дому. Тысячу лет назад, пройдя посвящение, я мог бы вернуть ему былую славу, стать достойным титула и меча моего отца. А сейчас он убьёт меня своими руками, если узнает, что во мне проснулась проклятая кровь.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	36
Глава 7	42
Глава 8	46
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Михаил Тихонов

Кузня крови

Глава 1

Шаг назад, приставить ногу, уводя её из-под удара, вскинуть меч, закрывая голову. Запоздало вспыхивает понимание – всё не так – неверная позиция, последний шаг слишком короток, недотянул руку, клинок подставлен слабой частью!

Поздно, сильный удар выбивает из моих рук меч, который отлетает на два шага.

От следующего удара я уворачиваюсь, прыгаю к оружию, чудом успеваю кувыркнуться в сторону, когда прямо передо мной сверкает лезвие.

Над ухом гроыхает:

– Ну, чего замер? Хочешь умереть без оружия в руке, словно какой-то простолюдин, да, беззубый щенок Денудо?

Я подхватываюсь на ноги, огрызаюсь:

– Я ничего не боюсь!

Про себя же добавляю: «Я ничего не боюсь, пока есть свет».

Встаю я, пряча полную горсть песка. Но Флайм, конечно, знает этот трюк. Ведь сам ему меня научил.

Так что он просто прикрывает глаза, разворачивается на месте и вслепую рубит меня в спину, безошибочно определив, куда я рвану.

Я скорчился на песке, пытаюсь сделать хоть вдох, пока он глядел на меня с высоты своего роста. На изборождённом морщинами лице не было заметно ни капли жалости.

Да, он сдерживался, развернул меч плашмя, но много ли мне нужно?

А когда же я сумел с клёкотом втянуть в себя воздух, он всего лишь кивнул и отступил на шаг. Проклятый старик, чтоб твоё имя забыли. Мог бы быть и помягче к сыну своего господина.

Но я знал, что отец ценит его за верность, а не за мягкость. Поэтому ничуть не удивился, когда первым, что услышал, утвердившись на дрожащих ногах, стало:

– Молодой господин, поднимите меч. Негоже слугам видеть наследника Дома Денудо без меча на поясе.

Я лишь криво усмехнулся. Ну, конечно, что ещё я мог услышать от того, кто служит мечом нашему Дому вчетверо дольше, чем я живу на свете? От дистро отца, прислуживающего ему за столом, не отстёгивая с пояса ножен.

Покосился на зарывшийся в песок меч. Прошло два года, как отец подарил мне его, но он всё ещё слишком велик и тяжёл для меня. Но кого тут винить, если за это время я особо и не вырос?

Мысли не помешали мне поднять клинок, обтереть тряпкой и засунуть в ножны.

Флайм вытянул руку, указывая на выход с тренировочной площадки. Стоило мне пересечь её границу, как за спиной тут же раздался шорох шагов слуг. Они торопились выровнять песок. Матушка всегда строго следила за порядком. Впрочем, если бы сюда пришёл размяться отец и обнаружил беспорядок, то слуг ждало бы наказание ещё более серьёзное, чем назначила бы она.

Следуя в шаге за мной, Флайм негромко спросил:

– Молодой господин, желаете ли вы зайти к адепту стражи?

Я скривился. Конечно, желал, спина горела огнём, я старался держаться как можно ровней, чтобы меньше её тревожить тканью ханбока. Но Флайм прежде всего верный слуга отца,

а не мой, так что на ужине отец уже будет знать, что я воспользовался помощью адепта внешних техник. Снова будет знать, что я не только проиграл, но и оказался так слаб, что искал лечения. И снова поругается с мамой. Не хочу.

Поэтому я молча повёл головой сначала налево, затем направо, потом снова влево и задрал подбородок. Только для того, чтобы сдержать слёзы.

Отец обещал, что на двенадцать лет у меня появится дистро, свой личный слуга, а Флайм станет лишь одним из наставников. Но день рождения был три десятицы назад. Прошёл целый месяц! И что, где мой верный дистро, который не побежал бы к отцу докладывать, куда я пошёл и чем занимаюсь, пока наставники не видят?

Я знал причину, по которой не получил обещанного подарка. Уверен, её знает каждый в замке. Начиная от стражи и заканчивая слугами. Вот уж кто слышит и видит всё, что происходит в замке. Так ещё и не забудет поделиться этим с остальными.

Один из слуг как раз оказался на нашем пути, натирая подсвечники. Ему бы просто поприветствовать меня, да заняться делом. Но нет же, поклониться-то поклонился, но косит взглядом, шарит глазами по нашей пыльной одежде. Вечером вся людская будет шептаться о том, какой бестолковый наследник у Дома Денудо, возвращался весь вывалянный в песке.

Любопытная сволочь!

Я так зыркнул на него, что бедолага аж уронил миску с меловым порошком, заставив меня довольно ухмыльнуться. Ну, хотя бы знаменитый бешеный взгляд мне от отца всё же достался. Надеюсь, вечером ты служанкам будешь шептать на ухо об этом, а не о том, что я опять проиграл на площадке.

Мы прошли уже десять шагов, когда Флайм ускорил шаг, оказываясь вплотную за моей спиной, и шепнул:

– Молодой господин, смирите дыхание, пригасите пламя души и не тратьте его больше на подобные мелочи.

Я заledenел, осознав, что и впрямь дышу так, словно строю цепочку Тридцати шагов северной тропы. Обратился внутрь себя, тут же обнаружив, что пульсирующий жар, которому положено находиться у сердца, не только расплылся теплом по всему телу, но и истекает из пор кожи, бесследно растворяясь в пространстве.

Беззвучно, одними губами выругался: «Чтоб моё имя стёрли из родовой книги Дома Денудо! Чтоб Хранители не допустили меня до посвящения!»

В голове билась только одна мысль. Я совсем ополоумел?

Сообразив, принялся следовать уроку матушки. Сбил дыхание, медленно досчитал до десяти, освобождая голову от мыслей. Не вышло, конечно, разве можно научиться внешним техникам украдкой? Стянул тепло ихора к сердцу, следом мысленно набросил на его пылающий комок тёмную вуаль. Из тех, что привозят из южных провинций королевства, где добывают коконы огненных пауков. Вуаль, которой не страшно пламя.

Подействовало. Не знаю правда, что притушило огонь души сильнее. Упражнение матушки или ледяной страх перед отцом.

Справившись, я ещё долго не решался заговорить с Флаймом. Наконец собрался с духом. Остановился, развернулся и поднял глаза. Флайм замер в шаге от меня, но всё равно нависал, потому как я едва доставал ему до груди. Гладко выбритое лицо его спокойно и равнодушно.

Говорят, шрамы на левой щеке уродуют его, но я гляжу на него столько же лет, сколько живу под светом Каразо и не вижу в нём ничего уродливого. Напротив, не представляю сурового наставника Флайма без этих шрамов.

Руки он держит за спиной, жёлтая туника натянулась на могучей груди, хотя до ширины плеч отца ему далеко. Я поджал губы. А мне далеко даже до Флайма. К двенадцати годам мужчины рода Денудо уже должны начать набирать статью, но что делать, если я пошёл в матушку?

Флайм всё так же молча глядел на меня. Сглотнув, я негромко озвучил просьбу:

– Я бы хотел, чтобы то, что случилось со слугой, осталось неизвестно отцу, Флайм. Но он лишь чуть заметно покачал головой.

Я стиснул зубы и попробовал ещё раз:

– Я ведь следующий глава Дома, Флайм.

На этот раз его губы тронула лёгкая улыбка:

– Не думаю, что я проживу дольше вашего отца, молодой господин. Ему щедро отмерено здоровья Хранителем севера и ихором Предка в жилах, а я простолюдин, – улыбка его стала ещё шире, наклонив голову, Флайм сказал: – Взгляните, в моих волосах уже давно седина.

Я понял, что всё бесполезно. Развернулся, сделал первый шаг, зло впечатав каблук в камень коридора, пытаюсь понять, что ещё я могу сделать, и кляня Флайма про себя. Проклятый старик. Иногда твоя верность переходит все границы. Невольно ускорил шаг, словно пытаюсь сбежать от него. Но куда-то там. Седина совсем не мешала ему бесшумно следовать за мной, одним своим шагом покрывая два моих.

Остановился я только у галереи, что связывала это крыло замка с основной частью. Издалека заметил, что слуги нет на своём месте. В другое время я бы собрал решимость в кулак и прошёл галерей, ни звуком, ни жестом не выдав, как мне неприятно идти в темноте. Но сейчас, когда Флайм разозлил меня? Пусть немного вспомнит, что значит быть простым слугой, а не дистро, который стоит у правого плеча господина, держа руку на мече.

Я молча замер у ниши со светильниками, всем своим видом показывая, что без света никуда не двинусь.

Флайм едва слышно хмыкнул за моей спиной, и я не сдержал довольной ухмылки. Не жди я этого звука, клянусь Хранителем севера, даже не услышал бы его. Всё же я сумел его задеть.

Но один из светильников в нише он взял без единого слова, поджёг фитиль и даже поднял повыше к плечу, освещая как можно большее пространство.

Я заметил, что он избегает моего взгляда. Нужно развивать успех, как пишут в трактатах военачальники прошлого. Негромко произнёс:

– Если промолчишь ты, то и я не скажу отцу, что ты взял привычку называть меня щенком.

Вот теперь он опустил взгляд. И клянусь Хранителем севера, я увидел в нём презрение! Прежде чем я успел гневно вскинуться, Флайм скривил губы:

– Помнится, на поле близ Серры, где реольцы всадили мне под рёбра меч, я называл вашего отца обессиленным жирным боровом и даже пнул. И ничего, жив.

Я замер, глядя в глаза Флайма. Какой я придурок. Зачем сначала разозлил его, а потом пригрозил? Отец, узнай, как я нарушил все его уроки переговоров, взял бы в руки плетё и перетянул меня, чтобы в следующий раз не смел так ошибаться.

Флайм отвёл взгляд и вытянул руку со светильником вперёд, указывая мне на проход впереди.

Не оставалось ничего другого, кроме как молча шагнуть из освещённого коридора в тёмную галерею. Дальше я шёл в круге света, держась подальше от его края и глядя только себе под ноги, чтобы не увидеть полотнища тьмы за его пределами.

В следующий раз я увидел Флайма уже за ужином. В это время в трапезной могли находиться лишь дистро, приближённые слуги, простые слуги лишь подносили к дверям блюда, не имея право войти. Они появятся здесь только тогда, когда уйдём мы.

Флайм замер за правым плечом отца, возле матушки стояла Карина. Дистро, которая вместе с ней уже долгие годы. Родители матушки назначили ей приближённую слугу на двенадцать лет. Точно так же, как отец обещал назначить уже мне. Но за моей спиной пусто, хотя двенадцать мне уже есть. Я сам двигаю стул, сам тянусь за блюдами на другую сторону стола. Как ребёнок, о каждом движении которого по-прежнему докладывают отцу.

Отец разбил оголовьем кинжала кость, вернул его в ножны. С довольным урчанием принялся высасывать костный мозг. Матушка привычно вскинула глаза к потолку, беззвучно вопрошая: «За что мне это?». Карина за её спиной боролась с улыбкой. Всё как всегда.

А я же, наконец-то, сумел спокойно вдохнуть и ощутить вкус жаркого из оленя, которое до этого запихивал в себя через силу. Раз отец в таком хорошем настроении, значит, Флайм промолчал. Будь иначе, он бы к кости и не притронулся, срезал бы мясо, и всё.

Наконец отец омыл руки в чаше с розовой водой, я тоже поспешно потянулся к своей. Конец трапезы. Всё, что осталось на столах, это для дистро. Ещё одна привилегия – еда с господского стола.

И в это время Флайм, чтобы его имя навсегда позабылось, наклонился к уху отца. Тот застыл, перевёл взгляд на меня, заставив меня сжаться. Флайм, чтоб тебя!

Матушка тоже ощутила, как изменилась атмосфера за столом, негромко спросила:

– Дорогой?

Отец грохнул кулаком, расколов чашу перед собой на куски. Вода разлетелась во все стороны, окатив стол и Флайма. И беспомощно скатилась вниз по сияющей голубым защите ихора, не в силах даже коснуться шелковых одеяний отца, Великого паладина меча. Черты отца заострились, сейчас его лицо больше походило на вырубленную из стылого камня маску, стало таким же белым, как и волосы.

– Дорогой? – переспросил он. – Ты бы лучше выполняла то, в чём мне клялась. Почему ты поощряешь Лиала? Почему тайно учишь его внешним техникам? Его путь – это путь меча! Он наследник!

Матушка оперлась руками на стол, встала, не дожидаясь, когда Карина отодвинет тяжёлый стул, воскликнула:

– Снова этот разговор! Я уже жалею, что дала ту глупую клятву. И в сотый раз говорю тебе, что я ни одной формулы, ни одного жеста, ни единой своей записи не передала Лиалу.

Отец не стал вскакивать, откинулся, опираясь на спинку стула. При этом выглядя так, словно нависал над матушкой. Повторил вопрос, который я уже слышал в сотый раз:

– Твои записи и учебники?

– Опечатаны, – матушка склонилась над столом, бесстрашно глядя в серые глаза отца. – Если хочешь, пойдём, ты опечатаешь их своим перстнем.

Отец сжал кулак:

– Тогда как он сегодня снова применил пламя души для внешнего воздействия на слугу? Флайм говорит, что это было почти как Устрашение, дар ихора. Тебе ли не знать...

Матушка выпрямила плечи, оборвала отца:

– Потому что он талантлив. Сколько раз мне это тебе повторять?

На этот раз отец не выдержал, вскочил. Стул отлетел к стене, разбиваясь в щепки. Отец же рывкнул:

– Талант?! Это не более чем болезнь, проклятье слабости крови. Он мой наследник, он Денудо, ему предстоит защищать земли нашего Дома с мечом в руке. Сейчас не времена Предков. Или он направит огонь души на внутренние техники и на посвящении Хранителю севера пробудит все дары Предка, или же наш Дом падёт!

В ответ матушка процедила:

– До сих пор же Дом как-то выдерживал.

– О чём ты говоришь? – отец ударил себя в грудь. – В нашем Доме из всех мужчин лишь я, да Лиал. Когда он пройдёт посвящение, то должен будет стать рядом со мной на арене!

Матушка подняла подбородок, глаза её подозрительно блеснули:

– Времена меняются, разговоры о том, что адептов внешних техник допустят до Игр Предков, звучат всё чаще.

– Это вторые и третьи дети! Лиал – наследник!

Матушка бросила на меня быстрый взгляд, кивнула:

– Да, я родила любимому мужчине наследника, о котором он так мечтал. Но почему я с каждым годом всё меньше этому рада?

Резко отвернувшись, она быстрым шагом вышла из трапезной. Отец несколько мгновений стоял, сжимая и разжимая кулаки, затем бросился следом.

Я с ненавистью перевёл взгляд на Флайма. Выплюнул в словах скопившуюся горечь:

– Зачем? Я ведь просил тебя промолчать. Зачем?

Флайм не опустил глаз:

– Я верен господину, а не вам или госпоже. Господин желает, чтобы вы прошли посвящение и встали рядом с мечом в руке. Вам лучше меня известно, сколько мужчин в Доме Денудо.

Я мотнул головой:

– Ты бы лучше сказал ему, как я стараюсь, оттачивая Тридцать шагов северной тропы и Меч льда и света.

Флайм лишь пожал плечами:

– Он это знает и сам. Но, видимо, не видит результата. Значит, вам нужно не тратить огонь души понапрасну и не потакать вашему проклятью, стараться пробудить кровь отца, а не вашей матушки. Вы первенец, наследник.

Я едва не захохотал. Пробудить? Вот так просто? Словно не я проливаю пот каждое утро, взваливая на плечи эти проклятые Безымянным камни. Разве я виноват, что пошёл сложением в матушку, а не в отца? Проклятье слабости крови? Как бы не так! Разве я виноват, что сейчас не времена Предков, когда любой, в ком пламенел его ихор, мог использовать вместе и внутренние техники, и внешние, и дары Предка?

Разве я виноват, что родился первым? Уверен, будь я вторым сыном, то отец бы только радовался, что я столь легко зажигаю ихор и выплёскиваю пламя души вне тела.

Дверь тихо стукнула, закрытая сквозняком. Я с ненавистью оглядел залитый розовой водой стол. Знаю, матушка теперь неделю, а то и две не появится в трапезной. Клянусь Хранителем севера, что, когда займу место отца в нашем Доме, позабочусь, чтобы имя Флайма стало запретным в этих стенах. И плевать, как уважают его солдаты нашего Дома.

В свои покои я ворвался, едва сдерживая слёзы, отшвырнув нерасторопного слугу с пути. Даже здесь были слышны крики отца и матери, которые продолжали ругаться. Когда же они наконец затихли, я с оторопью понял, что Флайм так и не пришёл проверить мои покои, а тот слуга, которому я велел убираться прочь с дороги, не иначе был тем, что пришёл пополнить запасы масла в светильнике. Не успел, но не рискнул ещё раз злить меня.

Словно только и дожидаясь этого момента, светильник замерцал, запыхтел, дожигая остатки масла в фитиле и потух.

А я пополз по своему ложу, забиваясь в угол и с ненавистью глядя, как тьма оживает, свивается в клубки, разрастается фигурами и тянется ко мне.

Но не закричал, зовя слуг и прося света, лишь зажал в зубах покрывало. Мне нельзя кричать. Не сегодня, когда отец и так ярится из-за моего проклятья крови. Да и в конце концов, мне уже двенадцать.

Будь проклят тот миг, когда Безымянный решил пойти против братьев и сестёр.

Глава 2

Я слушал сабио Атриоса, который рассказывал, как вести учёт налогов с земель. И скучал по тем временам, когда он учил меня таким простым вещам, как счёт и письмо. Какие славные все же были времена. У сабио тогда ещё не было седины в короткой бороде, а ко мне ещё не начали приходить тени.

Вздыхнув, я отогнал от себя сон. Клянусь Хранителем севера, что в конце недели отец подсунет мне какую-нибудь засаленную тетрадь и потребует к вечеру сообщить, сколько денег должны выплатить эти земли. Поэтому нужно обязательно слушать объяснения сабио.

Но веки сами закрывались, а тихий голос сабио Атриоса действовал на меня не хуже техники усыпления адепта стражи. Всё потому, что тогда, два месяца назад, когда я остался после ссоры родителей без светильника ночью, это была не случайность.

Приказ отца. Он сказал, что я вырос, и запретил слугам доливать масло в светильники моей комнаты.

Невольно я скрипнул зубами, сон убежал прочь, смытый обидой. Значит, двенадцать – достаточный возраст, чтобы лишить меня света. Впервые за все эти годы. Но слишком малый, чтобы дать мне верного дистро, который служил бы только мне? Несправедливо!

Да, Малый Дом Денудо беден и немногочислен. Вместо четырёх привычных поколений, как во всех Домах, наследника, главы, старейшины и хранителя традиций Дома, есть только мы с отцом. Для моего обучения даже пришлось нанять сабио Атриоса, который вообще не имеет отношения ни к нашему Дому, ни к какому другому, даже к Дому Осколков.

Он, простолюдин, за все годы моего обучения обошёлся вдесятеро дешевле любого из этого Дома павших. Но, чтобы стать моим дистро, и не нужно иметь знатных предков, не нужно иметь за спиной десятков поколений пламенеющего ихора.

У нас в замке полно обычных стражников, любой из которых посчитал бы честью встать как дистро за моим правым плечом. И тогда всё стало бы по-другому. Родители бы меньше ссорились, если бы мой дистро держал язык за зубами.

Я уже даже позабыл за своими размышлениями, что нужно слушать сабио, веки вновь сами собой начали закрываться. Но спустя миг всё изменилось.

Скрипнула дверь, в залу стремительным шагом вошёл отец. Сабио Атриос согнулся в глубоком поклоне, я же подхватился с места, старательно тараща глаза и делая вид, будто и не собирался спать.

Отец остановился у окна, махнул рукой сабио. Тот, все поняв и без слов, молча покинул залу, даже не попрощавшись со мной. Только когда дверь закрылась, отец повернулся ко мне и кивнул. Я медленно сел, гадая, что сегодня случилось. Дни, когда отец сам вёл занятия наукой, можно пересчитать по пальцам одной руки.

Он же прошёл к гобелену, провёл ладонью по северу королевства, по нашим горам, прочертил пальцем дорогу через холмы к южной провинции, к границе с Реолом, скользнул вдоль реки, очерчивая узкий овал. Негромко заговорил:

– Спорные земли. Пошло это с тех пор, как две сотни лет назад в описание приданного дочери короля Реола вкралась ошибка. С тех пор мы считаем эти земли своими, реольцы своими.

Я переспросил:

– Это за кого реольцы отдали кровь короля?

Отец усмехнулся:

– А это ты мне должен сказать. Как звали ту, что правила в нашем королевстве двести лет назад?

– Э-э-э, – сглотнув, я нерешительно ответил: – Амарно?

Голос отца придавил меня, словно он использовал один из даров Предка:

– Неверно! Ламатия! Вечером десять кругов вокруг замка с двойным камнем и сто повторений Шагов тропы.

Ответил я не отцу, ответил я владельцу земель и Дома Денудо:

– Слушаюсь, господин.

Задать вопрос, почему это дело не решили при жизни королевы Ламатии, я не рискнул.

Отец разочарованно отвернулся, продолжив:

– Здесь часты стычки, местные владельцы очень сильны, иных бы реолыцы давно стёрли в порошок. Первый дом юга – это?..

Я тут же ответил:

– Тенебро.

Отец продолжил:

– Наиболее влиятельны из остальных Дома Потенто и Дуро, Великий дом Вистосо. С Первым домом Юга дела нужно вести осторожно. Они не брезгают искать лазейки в соглашениях и выворачивать их в свою пользу. Зато и самые богатые на всём юге. Властвуют силой не только меча, но и золота.

Я слушал и слушал всё то, что рассказывал отец, и всё больше недоумевал. К чему мне подобные тонкости? Обычно чем-то подобным отец делился за трапезой. Но говорил всегда о родах нашего севера, о близких и дальних соседях нашего Дома Денудо, о тех, чьи редкие товары шли по нашим землям к перевалу и дальше, в Андамо. Но юг?

Не сумел отрешиться от мыслей об этом и после занятий. Разве что пока истекал потом вокруг замка, в голове осталось лишь одно: нужно правильно переставлять ноги, нужно правильно дышать, нужно сжимать огонь души как можно сильнее, нужно не упасть. Но в этом не моя заслуга. И стоило прийти в себя, как снова полезли мысли о странном поведении отца.

Поэтому, когда за ужином матушка спросила:

– Лиал, что вы сегодня изучали?

Я ответил, не задумываясь:

– Юг. Роды, местность, обычаи.

И не сразу понял, почему после моих слов наступила такая тишина. Подняв голову от тарелки, увидел, что матушка испепеляет взглядом отца. И сообразил, что, кляня Флайма, сам проболтался о том, о чём нужно было бы молчать. Лучше бы сказал о подсчёте доходов с землевладельцев.

Поздно.

Матушка медленно спросила:

– Как это понимать?

У отца дёрнулась щека:

– Ему скоро четырнадцать.

Голос матушки зазвенел:

– Через полтора года. Это, по-твоему, скоро?

– Время пролетит незаметно.

– И я уже устала слышать, что твой наследник примет в руки родовой меч, встанет рядом с тобой на арене, как только будет посвящён Хранителю севера. Но что я слышу теперь? Юг?!

Отец буркнул:

– Ты не хуже меня знаешь состояние наших земель.

Матушка впервые на моей памяти выругалась:

– Чтoб тебе пусто было! Плевать я хотела на твои оправдания, Нумеро Денудо. Я закрыла глаза на талант Лиала, я не обучила его ни единой внешней технике, не дала ему ни единого жеста и слова. И всё почему?

Отец грохнул по столу кулаком:

– Иначе и быть не может, Терсия, потому что он мой наследник! И это не талант!

Матушка ухватила кинжал с пояса и ударила по столу его оголовьем:

– Хватит повышать на меня голос, Нумеро! Я согласилась, что первенец должен стать настоящим Денудо. Нумеро, с какой стати ты собираешься послать его на юг? Сколько он будет туда добираться? И зачем?

Отец помолчал, пожал плечами:

– Выедет пораньше. Это будет полезный опыт.

Матушка повторила удар кинжалом, заставив подпрыгнуть тарелки на столе:

– С какой стати я должна буду расстаться с ним раньше времени? Я и так его почти не вижу, с тех пор как ты начал его обучение пути меча. Он либо сотни раз повторяет ваши шаги, либо истекает потом с твоими неподъёмными камнями, либо учит родовые приёмы меча. Он будет в замке до последнего, рядом со мной, а потом поедет в Грандор, к главному храму Хранителя севера.

Я не выдержал и влез в разговор:

– Хватит ссориться. Я вообще никуда не поеду.

Через мгновение на меня смотрели и отец, и матушка. Отец негромко переспросил:

– Это ещё почему?

– Мне хватит и посвящения на алтаре замка, – хмыкнул, глядя в глаза отцу. – Не ты ли мне твердил о необходимости носить герб Дома с честью? А сам собираешься послать меня в услужение на юг. Ходить год, словно... – я проглотил собирающиеся сорваться с губ слова, процедил другие: – Ни один из окрестных Малых домов не отправляет наследников в служение чужим Домам. А мы не просто Малый дом, мы – Денудо!

Отец молчал два удара сердца, а потом рявкнул:

– Щ-щенок!

Впервые я видел его таким разъярённым и невольно сжался на стуле. Отец аж побелел. Матушка поражённо воскликнула:

– Нумеро!

Отец ожёг её взглядом:

– Что Нумеро? Он будет мне тыкать в глаза честью Дома? Или бедностью? Не дорос ещё!

Матушка протянула:

– Но я согласна, что юг – это чересчур радикально. Грандор, милый, как мы... – она замолчала на миг, а затем недоумённо спросила. – Нумеро?

Отец ещё сильнее опустил взгляд и буркнул:

– Терсия, состояние наших земель...

Матушка вскочила, кинжал полетел в отца, безвредно соскользнув с его ставшей крепче стали кожи. Следом матушка вскинула ладонь со сложенными в печать пальцами и выкрикнула:

– Агдже!

Из её руки в отца полетел шар пламени, которое так же бессильно стекло с его ханбока, словно вода. Разве что Флайм бросился заливать из чаши для омовения загоревшуюся скатерть и стул под отцом. Таким не взять Великого паладина меча. Его огня души и даров Предка хватит на то, чтобы выдержать тысячи подобных ударов. Великого паладина может ранить только другой паладин. И пусть матушка – Великий заклинатель, пользующиеся внешними техниками всегда слабей адептов внутренних. И уж тем более слабее отца, который заслужил титул Меча ледяной стужи.

Матушка опустила руки. Впервые я видел её такой злой. Черные волосы растрепались, обрвав бледное лицо. Она медленно процедила:

– Я вышла за тебя не ради денег, Нумеро Денудо, но принесла с собой достаточное приданное, чтобы мой сын и твой наследник прошёл посвящение в главном храме провинции. Так,

как и положено. На глазах у лучших Домов севера, их владельцев и наследников. Я сразу, ещё до замужества, поставила тебе это условие, и ты со мной согласился.

Отец ухватил кубок, который не тронуло пламя матушки, осушил его в два глотка и спрятал глаза, опустив взгляд в пол.

Матушка негромко спросила:

– Нумеро, где отданное тебе на хранение золото?

Послышался хруст. Серебряный кубок смялся в кулаке отца.

Матушка рявкнула:

– Нумеро!

Такого тона я не слышал от неё и тогда, когда она распекала расколотивших целый шкаф посуды слуг.

Отец тоже был сам на себя не похож. Он едва слышно промямлил:

– Отряд в горы, ну, те горы, – вскинул голову, с жаром добавил: – Должны, должны были найти!

Матушка рухнула обратно на стул, прикрыла глаза рукой, прошептала:

– Я поняла, поняла, почему юг. Ты хочешь, чтобы наш сын пошёл в услужение какому-то из тамошних родов?

Отец кивнул:

– Ну... Да! Конечно. – И окрепшим голосом продолжил: – Я сейчас списываюсь с Домами, с которыми у нас есть связи.

Матушка глухо, не открывая глаз, возразила:

– Были связи, Нумеро. Дом Денудо давно не Первый дом севера, не управляет провинцией, потерял свою славу, а теперь и вовсе стал Малым. Твой отец жил прошлым, а ты и вовсе разорил нас со своими изысканиями. Боюсь, ты будешь последним владельцем Дома Денудо, а твой сын присоединится к Дому Осколков.

Отец снова грохнул кулаком по столу:

– Не бывать этому! Мой сын пройдёт посвящение, пробудит в себе все дары Предка и добудет себе славу мечом, как это сделал я. И сделал это в его годы!

Матушка убрала руку от глаз, подняла взгляд на отца. Всего лишь взгляд. Но прокатившаяся по шелку его ханбока волна света ясно намекнула мне, что не всё так просто, раз он использовал дар Предка для защиты. Да и голос матушки звенел от вкладываемого в него огня души:

– Ты ведь и правда приготовил своему наследнику участь лишь немногим выше участи слуги – держать стремя у какого-нибудь южного выскочки.

Отец возразил:

– У наследника Великого дома...

Матушка перебила:

– Ни за что, Нумеро, ни за что! Клянусь, сегодня я впервые пожалела, что вышла за тебя. Не для того я поступилась столь многим, чтобы ты загубил талант моего сына. – Вновь вскинула руку, предупредив: – И не смей называть это проклятьем, Нумеро! Если ты не сделаешь так, что Лиал пройдёт посвящение в Грандоре в четырнадцать, то я сама найду способ оплатить его посвящение, вспомню наконец, что я урождённая Веноз, старшая из дочерей владельца Великого дома. Ты меня понял, Нумеро Денудо?

Отец выдавил:

– Понял.

Матушка кивнула и молча вышла из трапезной. За ней тенью проскользнула верная Карина. И я остался наедине с отцом. Он ожёг меня взглядом, подтянул к себе блюдо и с отвращением уставился в него, даже не думая прикасаться к баранине. Я тоже не знал, что сказать.

О многом, что сегодня прозвучало за столом, я знал, кое о чём догадывался, краем уха ловя разговоры отца с матушкой или болтовню слуг. Но кое-что стало для меня открытием. То, что был некий договор между отцом и матушкой о моём посвящении. То, что отец растратил какие-то деньги, то, что матушке важно увидеть моё посвящение не на нашем замковом алтаре, а на главном алтаре севера.

Я ведь сказал правду. Я не хотел ехать ни на какой юг. На сколько отец договорится? Год службы? Вряд ли. Два года службы в роли... кого? Слуги? Десятника? Пока кто-то чужой не решит, что я сполна расплатился за главный алтарь Хранителя юга?

Два года теней вокруг меня. Два года их беззвучных криков, их тянущихся ко мне рук. Клянусь Хранителем севера, если бы я только знал, к чему приведут мои забавы с внешними техниками, то никогда бы даже не попытался использовать для них огонь души!

Я бы проклял Безымянного Предка, смерть которого разрушила равновесие ихора, но это давно сделали и без меня. Тысячу лет назад. Сорок поколений проклинали Безымянного за то, что дар внешних и внутренних техник разделился. Что появилось проклятье слабости крови.

Я поднялся, поклонился:

– Отец, я сыт и покину тебя.

Он лишь безразлично буркнул:

– Иди-иди.

Шагая по коридорам, я думал, что теперь ясно, почему отец не дал мне на двенадцатилетие дистро. Разве может быть у отданного в слуги свой слуга? Конечно, нет, это нарушение всех традиций обучения. И нет разницы, север это, юг или восточное побережье нашего королевства Скеро. Неважно даже, если это земли другого королевства. Традиция едина для всех королевств.

А ещё я внезапно вспомнил, что это матушка сказала об услужении, а отец скорее ухватился за эту мысль. И что, возможно, он задумал нечто-то другое. Но что?

Впрочем, ближе к вечеру мою голову стали донимать другие мысли. Если уж даже всегда послушная матушка сегодня показала себя с непривычной стороны, то не стоит ли и мне проявить немного своеволия?

Я устал с этими тенями. И дело не в том, что я трус. Я всё же Денудо, которые славятся своей отвагой и мужеством. Я ничего не боюсь, даже когда нет света.

Но проклятые тени, проявление проклятья слабой крови, похоже, обладали даром будить меня. Клянусь Хранителем севера, я просыпался от того, что они меня касались! И не высыпался.

Из-за этого с трудом справлялся с физической подготовкой, которой донимал меня Флайм по приказу отца. Да, я наследник Денудо, мне от рождения дано гораздо больше, чем простолюдинам, в чьих жилах так никогда и не затлел ихор Предков. Но с чего на моих костях будет расти мясо, если от бессонницы у меня круги под глазами? И как бы не больше тех, которые я наматываю вокруг замка?

Поэтому я твёрдо решил добыть масла для светильника. Никто и не узнает, если я всё сделаю осторожно. Правда, нужно будет как-то пробраться мимо людской, где вечером собираются все слуги. Но если выждать момент...

Или нет?

Я даже прикусил губу, пытаюсь понять, можно ли будет пробраться там вдоль стены, в тених, куда не достаёт свет. Хотя при одной мысли о моих тенях меня снова пробирала дрожь. Знал бы, как отвратительны их прикосновения, не завидовал бы матушке и адепту стражи.

Матушке?

Я даже замер в нише возле окна. В прошлом году, когда к нам заезжал владелец Великого дома Фуэрте, матушка распорядилась вынести восковые свечи и лично ей зачарованные

светильники. Пусть светильники идут в пасть к Безымянному, наверняка хранятся под ключом, но свечи!

Они в малой северной башне главного здания. Той, что обращена к горам и сейчас используется как кладовка. Там меня точно никто не заметит. И спрятать свечу и следы воска гораздо проще, чем надеяться, что слуга не заметит, что в светильнике появилось масло, а фитиль служит меньше обычного.

Первый этаж башни. Ничего. Вернее, огромные сундуки оказались забиты всяким барахлом. Уже в носу свербело от запаха пыли, которой были переложены ткани. Но свечей так и не нашлось.

Я поднялся по винтовой лестнице выше. Здесь и места оказалось меньше, и сундуки не такие большие. Снова ничего. Пришлось карабкаться выше, кляня про себя крутые ступеньки и прижимаясь к стене, подальше от края. Для великанов их делали, что ли? Не хватало ещё навернуться вниз и сломать ноги.

Сбив дыхание, я наконец добрался до верха, обвёл взглядом последний этаж, освещённый через узкие треугольные окна лучами заходящего солнца, и замер, встретившись с чужим взглядом.

Флайм глотнул из кувшина и хмыкнул:

– Вот это кто, оказывается, шебуршится. А я-то думал, какой слуга решил обворовать господина.

Я вспыхнул в возмущении, ощутил, как горит лицо от румянца:

– Как я могу воровать то, что и так принадлежит мне?!

Флайм, с удобством устроившийся полулёжа на каком-то мешке, серьёзно кивнул:

– Конечно, молодой господин, конечно.

Всё на что меня хватило – это недовольно буркнуть:

– А ты, Флайм, хоть поднялся бы, раз уж вспомнил, кто я такой.

Он лишь усмехнулся:

– Вы уж простите, молодой господин. Мы не очень ладим, но сейчас в равном положении. – Он похлопал по своему ложу ладонью. – Думаю, этот урок вам тоже необходим. Я тайком пью вино, вы... – помедлив, Флайм обвёл взглядом сундуки и ящики, пожал плечами и снова отхлебнул. – Тоже что-то тайно ищете. Если книги с внешними техниками, то их здесь нет.

Я кивнул:

– Они у матушки.

Флайм мотнул головой:

– Её личные книги и записи из Академии – да, а остальное спокойно лежит себе в подвале под восточной угловой башней.

Меня передёрнуло при мысли о том, что он предлагает мне сходить взять их:

– Да ни за что!

Станет только хуже. Отец говорит, это вторые и третьи дети могут легко перенести обучение внешним техникам, наследники же могут получить искажение огня души. Такое случается редко, но тогда до самого посвящения их мучает проклятье Безымянного: кошмары и клубящиеся тени. Проклятье слабой крови. Боюсь представить, что будет со мной, учитывая, что я получил проклятье на пустом месте.

Флайм поднял брови, отхлебнул и заметил:

– На самом деле мало кто откажется стать адептом внешних техник. Это и почёт, и уважение. Простой крестьянин уже на первом посвящении одним махом оказывается едва ли не равен мне, который кровью и потом годами зарабатывал себе место рядом с господином.

Я скривился:

– Мне-то что?

Флайм хмыкнул:

– Ну, не скажите. В чём ваша матушка права, так это в том, что вторые и третьи дети, адепты внешних техник, получают все больше власти. И все больше силы.

Я сжал кулаки:

– Нет! Ихор наследников сильнее!

Флайм лениво отмахнулся:

– Я бы сказал, что он сильнее лишь пока. Но с каждым поколением слабеет.

На этот раз я сдержался, не возразил. Не хватало ещё спорить с каким-то дистро. Мне этих разговоров и за столом хватает.

Тем временем Флайм покрутил пальцами левой руки в воздухе:

– Вон, ещё при вашем деде внешние адепты создали себе Академию. Если уж у вас талант, то вам бы там нашлось место. Там дети Великих домов. – Спустя глоток он с ухмылкой добавил. – Даже дочь короля училась там.

Я, уже успокоившись, лишь пожал плечами:

– Сегодня отец сказал о бедственном положении наших земель. Да ты и сам слышал. Куда уж мне задумываться о браке с принцессой.

Но следующие слова Флайма вогнали меня в краску:

– А кто говорил о браке? Главное, чтобы тебя не поймали за этим делом, да чтобы ты язык за зубами держал среди приятелей, не хвалился тем, что надругался над дочерью владыки всего Скеро.

Флайм наконец замолчал, зато принялся хохотать и хлопать себя ладонью по колену.

Справившись с собой и предательским румянцем, я зло выпалил:

– Довольно! Ты переходишь все границы, Флайм. Скажи лучше, где здесь свечи, и я забуду обо всём, что сейчас слышал.

Стоял я так, как и учил отец: выпрямив спину, глядя сверху вниз на собеседника. Впрочем, тут мне повезло, что здоровяк Флайм едва ли не лежал. Впрочем, одного уверенного вида явно было мало, раз Флайм так ухмылялся.

Ловким жестом он выудил откуда-то из щели между сундуками восковую свечу:

– Вот эти?

Но через миг улыбка пропала с его лица:

– Буду честен с вами, молодой господин. Вы много раз жаловались, что я не держу язык за зубами. А ведь это неправда. Я уже много месяцев молчу о том, как вы боитесь темноты. А ваш отец мало что презирает больше, чем трусость. Если уж вы не способны справиться с ночными кошмарами...

Я стиснул зубы, прорычал сквозь них:

– Я ничего не боюсь! Я лишь прошу дать мне немного света, и это вовсе не трусость! Ты, простолудин, который едва разжёт ихор в своей крови, никогда не страдал от того, что тебя раздражает проклятье Безымянного. Ты не представляешь себе, как леденят прикосновения теней. Они вырывают меня из любого сна! Я не могу так больше! И мне нужны всего лишь проклятые свечи!

Флайм привстал, переспросил:

– Какие ещё прикосновения? Проклятье Безымянного не имеет настоящей силы. Это всего лишь нарушение баланса крови, искажение огня души и кошмары. Это знаю даже я, простолудин, как вы меня назвали.

Мне только и оставалось буркнуть:

– Значит, я зашёл слишком далеко, когда пытался в десять лет зажечь огонь свечей.

– Нет, нет, – Флайм встал, в два шага сблизился, положил руку мне на плечо, разворачивая меня к гаснущему свету из окон, и спросил: – Как выглядят тени? Как клубящиеся извиляющиеся ленты?

– Нет, – я покосился на сгущающиеся в углах вечерние тени, простые тени, и качнул подбородком из стороны в сторону. – Как чёрные силуэты.

Хватка Флайма стала сильнее:

– Чудовищ?

Я шевельнул плечом, пытаюсь скинуть с себя пальцы Флайма:

– Людей.

Через миг Флайм отшвырнул меня в сторону. Я грохнулся спиной о какой-то сундук, отбив спину. С изумлением уставился на Флайма. Что он себе позволяет? Он сошёл с ума?

Флайм же, словно позабыв обо мне, что-то бормотал себе под нос. Я прислушался, пытаюсь восстановить дыхание.

– Прятать книги она приказала, когда ему исполнилось шесть. И тогда ещё было неизвестно, что в нём проснутся оба таланта. Спрятала всё, включая сказания и молитвы о защите от Безымянного. Я-то, дурак, смеялся над бабской причудой, а она... нет, не может быть. Или... может? Как проверить?

Флайм поднял взгляд, пригвоздил меня им на месте, шёпотом спросил:

– Тени пытаются говорить?

Не знаю почему, но я, потрясённый услышанным, вспомнив их беззвучно разъявленные провалы ртов, кивнул, даже не попытавшись скрыть правду.

Флайм захрипел, глядя куда-то мне на лоб, не встречаясь со мной взглядом:

– Эт-то она! Велоз несут в своей крови ихор Оскуридо, про-оклятую к-кровь прислужников Безымянного! – Он ухватился за кинжал, вырвал его из ножен. – Клянусь Хранителями королевства, я лишь сделаю мир чище, убив кровь Оскуридо, пока она не вернула Безымянного.

Если бы мог, я бы попятился. Но позади меня громоздился сундук, а за ним – каменная стылая стена. Мне некуда бежать. Если я хочу спасти свою жизнь от обезумевшего Флайма, то должен победить его. Вот только в его руке кинжал, а я свой меч оставил в комнате. И даже с мечом я не выигрывал ещё ни одной схватки у Флайма. Я даже не могу ещё использовать технику меча. В отличие от Флайма.

Но у меня нет другого выбора.

Я чуть согнул ноги в коленях, готовый прыгнуть вперёд и вправо, туда, куда Флайму будет неудобно бить.

Но Флайм попятился, дрожащей рукой вернул кинжал в ножны. Я не успел даже вздохнуть с облегчением, как он снова принялся бормотать:

– Я не посмею убить сына господина. Не посмею, тем более что метка не видна. Это должен сделать он сам. Вызвать владетеля Хонесто, провести обряд испытания крови, объявить на всю страну, что род Велоз укрывал у себя кровь Оскуридо, вырезать их всех, чтобы не ушёл никто.

Я сглотнул. Велоз – это род матери. Если Флайм так уверен, что отец убьёт меня, уверен, что даже Великий дом Велоз ждёт кара, то...

Я обязан убить его, чтобы спасти мать.

А Флайм дрожащей рукой отёр лицо:

– Да и родился ты на месяц раньше срока, я же помню, как мы опоздали с Игр Предков. Ты... Ты вообще не сын господина! Я должен сказать ему!

Едва Флайм повернулся ко мне спиной, делая первый шаг на ступени, как я прыгнул влево, а затем вперёд, толкая его в бок, толкая туда, где зияла пропасть.

Изо всех сил, которые день за днём тренировал во мне Флайм.

Вниз по ступеням я скатился, даже не держась за стену. С ужасом уставился на тело Флайма, из-под которого растекалась кровь. И заставил себя сделать к нему шаг.

Он отдал служению нашему Дому больше лет, чем я живу на свете. Он очень далеко шагнул по пути меча, даже получил дар крепости тела, когда сумел зажечь ихор и прошёл второе посвящение как солдат нашего Дома.

Если он остался жив, то это лишь оттянет момент, когда он скажет отцу о своих бреднях. Флайм сам учил меня, что нельзя оставлять врага в живых за своей спиной.

Я заставил себя сделать три шага. Нагнулся, прикладывая пальцы к жилам на шее Флайма, и застыл на долгих десять вдохов. Ничего. Он мёртв. Даже тридцать лет практики пути меча не спасли его от такого падения. Будь в нём хоть чуть больше ихора Предков...

С западной стороны галереи донёсся шум быстрых шагов.

Отпрянув от тела, я бросился прочь, снова применяя советы Флайма и бесшумно ставя стопу в Шагах безмолвной тропы. Сейчас неважно, что я ещё не прошёл посвящения и не могу использовать это искусство в полную силу, добавив в шаги огонь души.

Лишь нырнув в свои тёмные покои, я вспомнил, что не взял свечу. Но сейчас только досадливо поморщился. До того ли мне сейчас? Я забился в угол кровати, настороженно прислушиваясь к звукам замка. Не раздастся ли крик? Не зазвучат ли в коридоре тяжёлые шаги отца и стражи?

Но нет. Ничего этого не было слышно. Темнота в комнате становилась всё гуще. Вот в ней начали двигаться первые силуэты, потянулись ко мне.

Я раздражённо выдохнул. Да плевать на вас, я сегодня и так глаз не сомкну, проклятые тени. Всё из-за вас. Что я вообще наделал? Может, Флайм просто перепил вина? Что за бредни он нёс, будто я не сын своего отца? Чей же тогда? Отец чистокровный Скеро, в его жилах словно течёт только ихор Предка Амании. У него белые волосы и серые глаза. Матушка же явно не чистокровная Скеро, чёрные волосы – это скорее примета королевства Бокоро и Предка Эскары.

Но я-то, я! У меня серые глаза и чёрно-белые волосы, которые матушка не устаёт нахваливать за редкость и необычность. Я словно взял ровно по половине от отца и матушки! Что нёс этот Флайм?!

Одна из теней двинулась вперёд, просочилась через балдахин кровати, и во мраке спальни вдруг раздался её хрип:

– Х-ха-а-а...

Глава 3

Никто так и не пришёл ко мне в ту ночь. Никто и не подумал, что Флайму кто-то помог упасть с лестницы. Даже отец, который лучше всех знал его, посчитал, что он глотнул лишнего и оступился.

Стало ли мне легче, когда я это понял? Да не особо.

Я первенец, наследник, урождённый Денудо, тот, кто в будущем примет на себя правление всеми землями пусть и Малого, но Дома Денудо. Флайм же был лишь простолюдином, за особые заслуги в бою приближенным к отцу. Не больше.

Отец не настолько богат, чтобы нарезать верным слугами наделы земли и, уж конечно, не так знатен, чтобы раздавать титулы. Даже если бы на втором посвящении Флайм и получил невероятное число даров Хранителей.

Когда-то, конечно, Денудо были Первым домом севера и могли одним росчерком пера выдавать тем, в ком достаточно ихора Предков титул Малого дома. Но это величие Дома давно в прошлом.

Однако и оставшегося хватало, чтобы не заботиться о смерти простолюдина. В первые часы я боялся лишь того, что Флайм не умер, сумеет прошептать слуге или отцу о тенях. Но он надёжно свернул шею, а вот тени остались.

Я Денудо! Я ничего не боюсь. Даже когда нет света и вокруг тени. Но даже мужество Денудо не может помочь, когда тебя будят ледяным прикосновением и хрипом:

– Х-ха-а-ас-с-с...

Так что мне стало лишь сложнее. Ночи распались на десятки крошечных снов-кошмаров. Я засыпал, тени меня будили. Я засыпал, тени меня будили. Хрипом и, что ещё хуже, прикосновеньями. Не помогали даже свечи, которые я всё же добыл через десятицу после смерти Флайма. Когда заходило солнце, я зажигал свечу и засыпал при свете. Но когда просыпался от ледяной хватки, то открывал глаза в темноте. Тени оказались не так просты, как казалось на первый взгляд.

Они могли тушить свечи и, кажется, хотели моей смерти, не давая мне спать.

И теперь, кроме света, мне не хватало знаний. И дать их мне могло не так много людей.

Матушка? Если бы Флайм был прав, и она что-то знала, то давно подготовила бы меня к теням или намекнула на их существование. Но нет. Все эти годы она лишь повторяла: проклятье слабости крови – предрассудок, уже сотни лет назад идары, идущие путем внешних техник, преодолели его и скоро займут достойное их место в жизни Домов.

Так что мне нужно искать ответы у других.

Едва Атриос вошёл в залу для занятий, я первым поприветствовал его, и именно так, как он любил:

– Доброе утро, сабио.

Он поклонился мне:

– Доброе утро, юный господин Лиал.

Я сдержал улыбку. Снова удалось. Мелочь – немного поступиться этикетом, назвать не по имени, а по званию, которым его наградили и Атриос уже готов пойти на уступки, хотя сам этого ещё не знает. Главное не частить с этим способом и не использовать его по пустякам. Но моё дело не пустяк.

Со вздохом полистал свои записи по налогам, попросил:

– Сабио, эти цифры так скучны. Поговорим сегодня о чём-нибудь более интересном?

Атриос с улыбкой переспросил:

– И о чём же, юный господин?

– Ну, – я сделал вид, что задумался, затем вскинул горящий взгляд. – Сабию, давай о географии, великих битвах прошлого и Предках?

Атриос задумался, глянул в сторону гобелена с очертаниями нашего материка. Он не любил повторяться и всегда требовал, чтобы я твёрдо запоминал всё, чему он учит. Но сегодня мне как раз нужны новые знания, и я постараюсь подтолкнуть его в верную сторону.

Каждый человек – и идар, и простолюдин – знает, что когда-то нашими землями правили семь великих Предков, создав семь королевств. Именно от них ведут историю все знатные рода. Те, в ком больше всего ихора, драгоценной крови Предков, те, кто в древности сумели воспламенить его жаром души, правят сейчас королевствами. Идары. Нашим королевством Скеро правит владыка Умбрадо. Остальные королевские рода – это Лама, Виенто, Вакио, Террен, Агуас. Эти рода превыше всех Домов.

И в них же ярче всего горит ихор Предков. Предки, хоть и были братьями и сёстрами, внешне очень сильно отличались. Отличаются друг от друга и жители разных королевств, испившие когда-то из протянутой им их Предками чаши.

Потомков Эскары можно отличить по чёрным волосам и небольшим когтям, потомков Химедо по светящемуся узору на щеке. Помнится, этой весной я перечитывал трактат землеописаний нашего материка и надолго застрял на странице с гравюрой, изображавшей девушку королевства Арида.

Странная, притягательная красота, лишь подчёркнутая необычным для нашего королевства нарядом.

Как нетрудно подсчитать, есть шесть королевств и шесть правящих родов, ведущих свою историю от Предков. Не семь. Потому что на карте мира на месте седьмого королевства мёртвые земли.

Сотни лет назад один из Предков задумал убить братьев и сестёр, пригласив их на пир. Не сумел. Раненые и отравленные Предки сумели вырваться из западни. И решили вместе покарать брата-предателя.

Шесть королевств: Скеро, Реол, Бокоро, Лано, Андамо и Аридо – выставили войска. Их вели шесть Предков: Амания, Химедо, Эскара, Дисокол, Фирм и Салир.

Но вот как звали Предка, чьё имя стёрли из летописей и который стал Безымянным? Как называлось его королевство, какой род им правил? И если первое Атриос точно мне не скажет, то остальное...

Я, стараясь, чтобы голос не дрожал от волнения, лениво спросил:

– А как называлось седьмое королевство, сабию?

Атриос задумчиво ответил:

– Валию.

– А правили им?

Атриос поджал губы, недовольно ответив:

– Это неважно. Пусть их имена сотрутся из памяти людской, столь много смертей на их руках.

Я скрипнул зубами, но с улыбкой согласился:

– Тогда, сабию, может быть, расскажешь о самой войне, о её последствиях для наших королевств и о том, куда ушли Предки?

Атриос подумал несколько мгновений, затем откашлялся, и я понял, что хоть с этим у меня всё вышло. Так он делал только перед долгой речью, подготавливая голос.

– Как ни странно, но сильнее всего в той битве пострадали не соседи Валию, а дальние королевства. Именно их войска, собранные в кулак, участвовали в последней решительной битве, и именно они понесли самые большие потери. В простых людях, идарах и родах. Даже Предки так сильно пострадали в те дни, что и через десять лет после сражения не сумели зале-

чить раны, нанесённые им братом и его ужасающими порождениями. Они решили вернуться домой, в свой родной мир и сообщить отцу и матери о случившемся. Каждый из них перед уходом оставил своему королевству по четыре статуи Хранителей, которые мы привыкли называть по сторонам света. И именно к ним теперь обращают свои молитвы все люди, а несущие в себе ихор полностью пробуждают его на их алтарях и получают дары Предков.

Я кивнул в согласии, хотя это не совсем так. Лишь красивая фраза. Люди, приходящие в храмы Хранителей, действительно оставляли там с молитвами огонь своей души. А отец раз в год отвозил наш замковый алтарь в Грандор, в главный храм Хранителя севера, который стоит напротив самой статуи Хранителя. Сдавал налог Хранителям.

Но вот пользоваться силой алтарей мог напрямую любой идар. Вернее, тот идар, чьему роду принадлежал алтарь и чьей кровью он был полит. Так же, как и наёмные адепты внешних техник.

Те же лекари из простолюдинов, что всё же сумели зажечь в себе ихор и которых нанимал отец для воинов. Им ведь тоже матушка выдавала доступ к силе алтаря. Так же, как и тем солдатам Дома, что долгими годами тренировок сумели познать путь меча, и заслужить право на второе посвящение.

Сабию Атриос неожиданно и сам увлёкся рассказом, хоть и свернул не туда, куда мне хотелось:

– Но без присмотра Предков их потомки рассорились. Уже давно нет мира в королевствах. Трижды, только вдумайся в это, юный господин, трижды уже проходили крупные сражения, где армия одного королевства сталкивалась с армией другого. А мелких стычек и не счесть. Мыслимо ли, – Атриос взмахнул руками, – Реолыцы пытались уничтожить алтари Хранителей юга и востока. Пытались оставить нашу страну без защиты и без даров Предков.

Я лишь тихонько хмыкнул при этой пламенной речи. Отец так и учил меня – нужно бить туда, где уязвимые точки: еда, вода, алтари. Именно так Великий дом Денудо потерял свой титул – восставшие крестьяне штурмом взяли наш главный замок и разрушили его алтарь. Но сейчас мне хотелось говорить не о наших заклятых соседях реольцах. И я вмешался в речь Атриоса, едва он закончил очередную мысль:

– Сабию, а какой стихией одаривал безымянный Предок правителей Валио?

В этот раз мелкая лесть не сработала. Атриос нахмурился, отрезал:

– Неважно. Мы увлеклись. Давай поговорим о том, как бы ты распорядился землями на севере Малого дома Денудо, молодой господин. Итак?

На этот раз вздох я и не подумал сдерживать. Чем там распоряжаться? Предгорья, где сплошные камни и снег. Ладно, если не хочет рассказывать Атриос, у меня есть ещё одно место, где можно найти ответы.

Нужно только дождаться ночи.

На этот раз я не зажигал свечи и даже не пытался заснуть. Глаза сами закрывались, но я не переживал: тени разбудят, не дадут проспать до рассвета. Так и вышло.

Проснулся от того, что плечо ломило от холода, будто я улёгся спать на выстуженных морозом камнях. В ухо привычно хрипели. Дёрнул плечом, отбрасывая тень, потянулся за свечой и пламенной искрой, поделкой какого-то адепта внешних техник. Она раньше, похоже, принадлежала Флайму. Я нашёл её там, наверху, на третьем этаже башни, завалившейся за мешок, на котором он и лежал.

Зажал её стержень между пальцев, согрел теплом своего тела и сильно стиснул. Кончик тут же заалел, и я ткнул им фитиль свечи. Два удара сердца и он вспыхнул.

По коридорам спящего замка я шёл со светом. Если знать как, то можно много где пройти и не показаться на глаза ночной страже. Мой же путь и вовсе вёл в подвалы, которые никто и не думал охранять.

По пути, который мне указал Флайм, я шёл точно так, как он учил: бесшумно, избегая постов стражи и пряча огонь свечи, прикрыв фонарь полой плаща. Да и, если подумать, то и сам огонь добыт едва ли не его руками.

Не хватает только шагов Флайма позади – чтобы проверить, а верно ли действует молодой господин. Словно нарочно сзади раздалось:

– Ха-а-с-сп...

В который раз мне отчётливо слышалось в этом задушенном хрипе слово «господин». Я обернулся и невольно передёрнул плечами в короткой дрожи. Одна из теней позади меня выросла, перегородив галерею, став гигантом в три человеческих роста, потянула ко мне свою руку-лапу.

Больше я не оборачивался. Пусть Флайм и сказал «подвал под восточной башней», но этот подвал очень велик. Не меньше двух часов занял у меня поиск нужных сундуков. Зато, едва их увидел, то сразу понял, что лишь зря открывал те, что остались за спиной. Искомый и совсем небольшой сундук поблёскивал в свете свечи голубой плёнкой, что накрывала его, словно покрывало. На нём нашлась и печать матушки, как и на том, что стоял рядом. Тронуть зачарованный матушкой сундук я и не подумал. Но вот второй...

Печать я срезал, даже не задумавшись. Перед уходом прикреплю на воск, любой, кто будет просто проходить мимо, ничего и не заподозрит.

В сундуке оказалось десятка два книг. Я жадно ухватил верхнюю, принялся листать при неверном свете свечи.

И понял – вот оно!

Старинный сборник молитв, где знакомые мне обращения к Хранителям чередовались с проповедями, которые владетель алтаря или назначенный им служитель обращал к пришедшим на главную молитву десятицы.

Половину из них я уже слышал от матушки, которая обычно и вела службы во славу Хранителей. О верности, добродетелях, послушании и прочем. Но часть видел впервые.

«В тот год, когда Безымянный, да останется он таким во веки веков, создал своих первых чудовищ, соединив в одно целое людей и послушные ему тени, содрогнулись от ужаса все королевства...»

Я поднял голову от страниц. За пределами круга света от фонаря клубились мои тени, что-то хрипели на десятки голосов. Скривившись, я перевёл взгляд на молитвенник, скользнул по строкам.

«... испытав многие бедствия, наши народы... будем помнить муки воинов... отдав жизнь за Предков... пролился и ихор Предков, окропив растения, камни и землю... ударив в спину, нарушив клятвы... проклятый род Оскуридо...»

Вот оно. Я впился взглядом в написанное, жадно вчитываясь в пустословие проповеди и выискивая важное.

«Заклинаю всех верующих в Предков и Хранителей, коих они нам оставили, чтобы стояли королевства верных идаров во веки веков, преследуйте проклятую кровь Оскуридо. Очистите от них земли королевства, уничтожьте саму возможность возродиться для Безымянного. Ибо если вернётся он из небытия, куда скинули его наши Предки, то зальёт он кровью все королевства, погрузит их в тени. Ибо нет сейчас с нами наших Предков, некому будет встать с ним на равных, а сами мы слабы и с каждым годом лишь слаб...»

Свеча замерцала в последней усилении и погасла. В наступившей темноте, кромешной, беспроглядной тьме подвала, где никогда не было ни одного окна, я заметил движение теней, которые поползли ко мне. И впервые задумался о том, что обычный человек не должен их видеть, тем более тогда, когда его глаза ещё помнят яркость свечи. В такие моменты хорошо нападать на дозорных, которые ничего не видят, но никак не различать тьму во тьме.

И тем не менее я отчётливо видел, как одна из теней скользнула к сундуку матери и подняла руку. Серая, почти прозрачная, она покрылась чёрным плещущим маревом, словно головня из костра пламенем.

Тень же медленно протянула руку вперёд, почти коснувшись зачарования на сундуке, его редких, едва тлеющих пылинок из слез Амании. Отняла руку. Пляшущая чернота на ладони исчезла. Тень повторила всё снова. Её руку вновь окутала более густая чернота и она протянула её вперёд.

Я сглотнул. Она что, подсказывает мне, что делать? Я перевёл взгляд на ладонь. Та самая первая формула и жест, что я пытался повторить, увидев у матушки. Вызвать огонь на ладони и им зажечь свечу. Это доступно всем адептам внешних техник. Любой второй или третий потомок владетеля рода может сделать это играючи. А вот первый рискует поплатиться проклятием слабости крови.

И что, это поможет мне снять защиту матушки и получить искусства внешнего пути?

Или же это позволит мне вызвать из небытия Безымянного?

Что появится на моей ладони? Огонь или тьма?

Я отшатнулся от тени и сундука. Опомившись, достал пламенную искру, зажёл новую свечу. Её воском прицепил печать матушки на место и бросился прочь из подвала.

Ни за что! Мой путь – это путь меча и наследника Дома. Я пройду посвящение на алтаре Хранителя. Я стану Паладином меча! Я Денудо!

А Денудо ничего не боятся. Даже когда нет света.

На бегу задул свечу и отбросил её прочь.

Я мчался через огромный подвал восточной башни, по тёмным переходам и галереям, пока не выскочил во внутренний двор. Стражник только и успел, что отпрянуть, гремя чешуёй доспеха, но я даже не взглянул в его сторону.

Холодный осенний ветер выстудил меня за пять ударов сердца, охладил разгорячённое бегом тело. Я мчался, позабыв об искусстве шагов, позабыв о дыхании и сжатии жара души в такт биению сердца. Словно я не наследник Дома, что насчитывает пять десятков поколений. Словно в моей крови нет ихора Предков.

Но затем я пришёл в себя, остановился. На мгновение запрокинул голову, оглядывая звёздное небо, а затем, твёрдо и размеренно ставя ногу, зашагал к храму Хранителя. Малому, как и наш Дом. Но при этом самому большому из всех, что есть в окрестных землях, где Малые дома толкаются пастбищами и наделами. Наследие прошлого Денудо, когда мы были Первым домом Севера, первым из Великих домов в этих краях, а этот замок – лишь малой частью наших земель.

Но это неважно.

Важно то, что в храме стоит небольшой алтарь Хранителя.

Хорошо смазанная высокая дверь даже не скрипнула. Мои шаги гулко отдавались под стрельчатым сводом.

Пять ударов колотящегося сердца, и я уже преклонил колени перед алтарём.

– Хранитель севера, прошу о милости для одного из тех, кого Предок доверила тебе...

На миг я сбился, видя, как отставшие было тени вновь окружают меня, ползут все ближе. Ненавижу.

– Хранитель...

И вновь я сбился. Если тени – это сила безымянного Предка, то Предок нашего королевства, чья сила – это свет, то молить её было бы в сто раз лучше. Жаль, что Предок Амания ушла из нашего мира тысячу лет назад и не может меня услышать.

Но теперь я хотя бы знаю, чего просить:

– Хранитель севера, молю тебя взглянуть на меня в день посвящения, который всё ближе и ближе. Верю, что, уходя, Предок одарила тебя хотя бы частью своей силы. Молю, чтобы

в день, когда ты будешь испытывать меру ихора в моих жилах, то обратил бы на меня свет Предка. Чтобы выжег из моих жил весь ихор Безымянного и рассеял его тени.

С каждым словом молитвы я ощущал, как огонь души становится слабей, тускней. Но, чем слабей он становился, тем сильнее алтарь окутывало лёгкое голубое сияние, от которого пятились тени. Пятились, пока с хрипом не рассеялись.

Я протянул руку и вцепился в край чёрного алтаря. Холодный и острый.

– Хранитель, я буду считать дни до посвящения. И готов даже обменять твои дары на очищение своей крови.

Глава 4

С той ночной молитвы Хранителю я не только не зажигал больше на ночь свечей, но и весь отдался обучению пути меча.

День за днём, десятица за десятицей, месяц за месяцем.

Поднырнуть под выпад, пропуская чужую сталь вдоль своей, повернуть запястье, направляя остриё. Мой удар вспорол рёбра воина, тот, окровавленный, отскочил, изрыгая проклятья. К нему тут же бросился адепт внешних техник, который последний месяц наблюдал за каждым нашим боем.

Я стряхнул с меча кровь, обвёл взглядом стоящих у стены воинов и с презрением процедил:

– Теперь я знаю, почему отец не может выбрать среди вас никого, кто стал бы за моим плечом. Трусые и слабаки не могут быть верными дистро. Со смертью Флайма стража нашего Дома лишилась единственного храбреца.

Креод, командир всех солдат Дома, его гаэкуджа, шагнул вперёд, согнулся:

– Молодой господин, вы несправедливы. Вы обучаетесь пути меча дольше, чем половина из моих воинов, в ваших жилах бежит пробуждённый ихор Предка. Конечно же, они, простые люди, не могут сравниться в бою с вами. Ваша победа – это ваша заслуга...

Я вскинул меч:

– Ложь! Я всего лишь безмозглый щенок, что не пошёл статью в породу Денудо. Выбровка, которую топят.

Гаэкуджа Креод побледнел, а я лишь ухмыльнулся уголком губ. Думал, что у меня нет ушей? Повёл остриём оружия вдоль солдат, сверлящих меня настороженными взглядами.

– Почти все вы участвовали в стычках на перевалах, некоторые из вас бывали с отцом на юге, сражались с реольцами, отец оставил достаточно старших воинов в замке. Каждый из вас шире меня в плечах и тяжелее, у каждого из вас меч, равный моему. И сколько же раз вы победили меня за эти три месяца, как умер Флайм?

Солдаты молчали. Я зло ответил за них:

– Ни разу! И это на вас отец оставил замок? Ради чего вы годы следуете пути меча? Ни один из вас даже сегодня не решился использовать против меня Меч льда и света, которому обучил вас отец, – перевёл взгляд на Креода. – Гаэкуджа, не пора ли поставить против меня старших воинов? Или выйти самому?

Гаэкуджа Креод отвёл взгляд.

И я сплюнул на песок. Я даже обещал сегодня деньги за победу надо мной. И что? Ничего.

Протянул руку в сторону. Подскочивший слуга вложил в неё сначала одну тряпку, которой я стёр кровь, затем другую, пропитанную маслом. Спрятав меч в ножны, я молча пошёл прочь.

На половине пути между площадкой и тёмной галереей слышал позади быстрые и лёгкие шаги. Слуга. У солдат грубые сапоги, пригодные для походов в горы. У адепта ещё полно работы с раной стражника.

Когда раздался тихий голос, я понял, что угадал, хотя имени слуги, подавшего мне тряпки, так и не вспомнил.

– Господин, я, конечно, не могу победить вас, но, если отдадите мне награду, что обещали солдатам, скажу вам, почему они нарочно проигрывают.

Я замедлил шаг, не оборачиваясь, кивнул:

– Так и будет, слово Денудо.

Слуга и вовсе перешёл на шёпот:

– Когда уехал господин, то ваша матушка, леди Терсия, приходила в казармы. Ходит слух, будто это она приказала, чтобы вы выигрывали в схватках.

Я подавил невольный возглас. Что за выдумки, к чему это матушке?

Слуга позади шепнул срывающимся голосом:

– Господин?

Я кивнул:

– За час до захода солнца постучись ко мне в комнату.

– Благодарю, господин.

На первой же развилке слуга юркнул в сторону, в узкий проход, оставив меня наедине с моими мыслями.

Пока шёл обед, я не сводил глаз с матушки. Наконец её терпение истощилось:

– В чём дело, Лиал?

Я негромко спросил:

– Почему я должен выигрывать каждую схватку?

Матушка отложила вилку, не меняя позы, словно стала выше, и оглядела меня сверху вниз:

– Тебе скоро тринадцать, ещё год – и ты уедешь на посвящение в Грандор. Сотни людей из самых богатых и сильных Домов съедутся туда со всего севера. Идары проходят посвящение лишь раз в жизни и мне хочется, чтобы оно запомнилось и тебе, и им. Хочу...

Мне это надоело, и я остановил её:

– Матушка.

Помедлив, она негромко сказала:

– Это не такая уж и большая тайна, но чем более уверен в себе юноша, идущий к алтарю Хранителя, чем... – Матушка запнулась, но продолжила: – Чем больше он пережил в жизни, чем уверенней в себе, тем благосклонней будет к нему Хранитель, тем больше даров Предков можно получить. Случалось, что тот, кто по крови был достоин не более чем второго дара и ранга Принятого, становился Возвышенным мечником, прыгнув сразу на два ранга.

Я едва не грохнул по столу кулаком с зажатой в нём вилкой. Лишь понимание, каким жалким подобием привычки отца это будет выглядеть, сдержало меня. Но вот смирить дрожащий голос я не сумел:

– Так значит, вот какова твоя уверенность во мне?

Матушка возмутилась:

– При чём здесь это? Проходи ты посвящение не как идар пути меча, а как идар внешних техник, я бы точно знала – ты станешь одним из лучших, одним из сильнейших. Не меньше, чем Заклинатель, а то и Великий заклинатель. Кому какое дело до того, сколько бы ты получил даров на посвящении? У нас потом всё решала бы только сила твоего пламени души. Но эти замшелые адепты меча, – Матушка искривила губы в презрительной усмешке. – Для них твой огонь души – лишь дополнение. Путь меча очень сложен, а все они ценят только внешнее и наносное. Одни их прозвища чего стоят: Достигший границ, Шагнувший за предел, Меч ледяной стужи.

Я не удержался и рассмеялся. Меч ледяной стужи – это ведь титул отца, которым он очень гордится.

Матушка тоже улыbnулась и пожала плечами:

– Раз Нумеро так хочет, я приложу все силы, чтобы ты получил как можно больше даров. Всё будет решать доля ихора в твоих жилах...

Я оборвал смех и вскинулся, но матушка подняла руку, не дав мне возмутиться и перебить её.

– ...и твоя уверенность в своих силах. Пусть другие считают это лишь одним из предрассудков, которыми мы обросли за эту тысячу лет, я не буду пренебрегать даже им. Ты мой сын,

потомок Великих домов. И не смотри на меня так, Лиал, будто пытаешься обойтись без словесной формулы и превратить меня в факел. Лучше вспомни, как плавно нарастало обучение эти месяцы.

Я несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул. Обратился воспоминанием в прошлое. Вот отец представил мне стражника, что должен был заменить Флайма в моём наставничестве. Обычные пробежки вокруг замка, занятия с тяжестями, скачки среди ближайших холмов, редкие охоты и ночёвки в лесу. Это, как и прочие вещи, осталось без изменений. Изменились только занятия на тренировочных площадках. Вместо схваток сначала были лишь упражнения на ловкость и выносливость, бесконечные повторения движений ног и меча, в которые я пока вкладываю огонь души без малейшего эффекта.

Лишь через месяц начались схватки, которые сначала быстро останавливал гаэкуджа Креод, придираясь к малейшим ошибкам. Затем пошли постоянные победы. И только в последнее время мне настолько всё это надоело, что я начал наносить раны солдатам. Попробовал кровью заставить их отбросить презрение, что сквозило в их словах, хотел вынудить их биться всерьёз.

Недовольно буркнул:

– Если уж для Хранителя так всё это важно, то почему бы не отослать меня с солдатами в объезд владений? У нас перевелись разбойники или контрабандисты?

Матушка поморщилась, снова взяла вилку и сухо сообщила:

– Это лишнее. Есть разумный риск, а есть неразумный.

Теперь морщился я:

– А есть вообще отсутствие риска. Матушка, а ты не думаешь, что теперь, когда я всё узнал, моя уверенность в себе упадёт настолько, что я и посвящение в Мечника не пройду? Словно я не первенец Дома, а лишь четвёртый сын?

И только сказав это, вдруг поймал себя на мысли: «Так, может, этого матушка и хочет?» Вскинул взгляд и увидел спокойные чёрные глаза. Улыбнувшись, матушка ответила:

– Я верю в тебя, а уж с мечом и без огня души всё равно ни один из солдат не годился Флайму и в подмётки. А с огнем души тем более.

Я с вызовом спросил:

– Даже гаэкуджа нашего Дома Креод?

Но матушка лишь усмехнулась и снова принялась за еду.

На следующий день, уходя с тренировочной площадки, я задержал взгляд на одном из слуг, бросившихся ровнять истоптанный песок. И едва заметно повёл головой.

Вечером в дверь раздался тихий стук, а когда я разрешил войти, в комнату скользнул уже знакомый мне слуга, осторожно затворив за собой дверь.

Я сел на кровати, откинул балдахин и спросил:

– Тебе ведь нужны ещё деньги?

Слуга покосился на меч, что стоял у кровати, затем облизнул губы при виде монеты, что я крутил в пальцах, и наконец кивнул. Я усмехнулся:

– Отлично.

Пусть у меня так и не появился дистро, но теперь есть свои глаза и уши в замке. Но слуга был нужен мне не ради слухов, а ради одного вполне определённого дела.

Я Денудо, и у меня есть гордость.

Как и говорил матушке, разбойники у нас не перевелись, хотя я и ждал их целых три недели.

Словно устав прогуливаться по внешним переходам замка, присел на край окна, из которого открывался вид на гору, достал из-за пазухи книгу и принялся листать страницы. Но мои глаза лишь бесцельно скользили по буквам, я весь отдался слуху.

Слуга, что расправлял новый гобелен на стене, шептал себе под нос:

– Пришли из-за Быстрой, господин. По виду из оголодавших крестьян. Наш, э-э-э, – слуга на миг сбился, вжал голову в плечи. – Ваш крестьянин, господин, шёл в гости и издали заметил чужаков. Четверо их там, рубили топорами дверь в одну из хат. Газкуджа велел конюху седлать за два часа до рассвета, – кинув взгляд по сторонам, слуга добавил: – Это всё, господин.

Я молча встал, «позабыв» на подоконнике монету.

За речушкой Быстрой, которой только по недоразумению дали такое гордое название, лежали владения Малого дома Вораз. Толстяка, как я его называю.

Отец с ним не очень ладит, как и я с его сыном, хотя когда-то их предки тоже были Денудо. Во времена, когда мы были просто Домом. Слабее Великого, но богаче и сильнее Малого. Тогда у прадеда было три сына. И младший отделился, да ещё и не добыл себе земли на Играх Предков, а просто получил их от своего отца. Тогда-то Дом Денудо и стал Малым, разом потеряв лучшие и плодороднейшие земли.

И их получил слабейший из сыновей, третий по счёту рождения. Тот, кто даже не мог идти по пути меча и получил от Хранителя лишь четыре дара.

Даже я неплохо на прошлой ярмарке разбил нос сыну толстяка. Как бы он ни бахвалился отцом и своей силой, я доказал ему, в чьих жилах больше ихора.

Не знаю уж, как там у прадеда это всё случилось, но потомки этого третьего сына, принявшие имя Вораз, добра не нажили. У толстяка Идао, сегодняшнего владельца Вораз едва ли не самые высокие в окрестных землях поборы, постоянно от него бегут люди, спасаясь от голода.

Разве что в этом году они начали что-то рано. До весны ещё далеко. Глупцы. Лучше бы просто прошли через наши земли, а не пускали в ход топоры.

Потратить эту ночь на скачку, а не на то, чтобы бороться за сон с теньями? Отличная идея. Ведь нужно опередить газкуджу Креода. Осталось дожидаться вечерней стражи и сделать так, чтобы никто не сумел меня догнать.

* * *

Впервые за долгие годы сон леди Терсии, владельницы Денудо, урождённой Веноз, был прерван до рассвета.

С трудом вынырнув из сна, она поняла, что в дверь покоев колотят.

Пламя души сжалось вместе с ударом сердца, а потом хлынуло по венам, разжигая ихор, губы заученно и почти беззвучно шепнули формулу:

– Агдже питар.

Пальцы сложились в печать, и в ладони левой руки возникло пламя.

Через миг вспыхнули фитили свечей, по которым стегнул огненный хлыст. Леди Терсия откинула тёплое покрывало и ступила босыми ногами на холодный пол. Пальцы левой руки заплясали, складывая печати и покрывая тело защитой:

– Херристра сортам.

Леди Терсия даже не подумала накинуть на себя халат, подготовленный ей на утро, когда сняла зачарование двери и уверенным голосом приказала:

– Входите!

Дверь распахнулась, внутрь шагнули две фигуры, тут же склонившие колено:

– Госпожа.

Леди Терсия узнала верную дистро Карину и Креода, газкуджа Дома. Горящий ихор растекался по телу, подпитывая внешние техники, врагов не было, но не было и ясности, что происходит. И леди Терсия требовательно рявкнула:

– Ну!

Карина вскочила, бросилась в сторону, через два удара сердца уже накинула халат на плечи госпожи и скрыла от чужих глаз ночную рубаху. Гаэкуджа Креод же, так и не посмевший поднять голову, даже когда приличия оказались соблюдены, глухим голосом принялся рассказывать:

– Госпожа, при смене стражи обнаружили оглушённого конюха и пропажу вашего грауха. От тона леди Терсии даже свет светильников испуганно затрепетал тенями на стенах:

– Кто?

Гаэкуджа Креод сглотнул:

– Молодой господин Лиал.

– Что ты несёшь?

Гаэкуджа ещё сильнее вогнулся в пол, рухнув и на второе колено:

– Так конюх сказал, когда его отлили водой, но я лично проверил, госпожа, в спальне молодого господина пусто.

Леди Терсия процедила:

– Как он мог выйти из замка, гаэкуджа моих воинов, что должны стеречь все входы и выходы?

– Те, что были поставлены охранять тележные ворота, оказались опоены.

Огненная плеть стегнула совсем рядом с гаэкуджей, оплавляя камень пола.

– Жадные ничтожества. Скольких ты послал за ним, Креод?

Гаэкуджа, глядя на борозды у своих коленей, сглотнул:

– Пятерых, госпожа, на... на лошадях, – вскинул руки, заметив, как опять шевельнулась огненная плеть. – Госпожа! Остальные граухи нажрались солнечника и смогут подняться только к обеду!

Леди Терсия рявкнула:

– Значит, твои люди должны бежать, а ты впереди всех, Креод!

Гаэкуджа лишь сильнее склонил голову:

– Да, госпожа. Я приказал загнать лошадей, но догнать молодого господина. А следом за ними отправил бегом десяток самых выносливых старших воинов, они в пепел потратят огонь души, но будут использовать Шаги северной тропы, которым обучил их господин.

Леди Терсия кивнула, сдерживая гнев, но тревога заставляла её сердце леденеть, а голос – звенеть:

– Лиал мог достать солнечник, но где бы он взял сонное зелье для солдат? И как бы они посмели принять на посту вино из рук молодого господина? Креод, поднять всех слуг, здесь что-то не то!

* * *

С грауха я спешил, сильно не доезжая до Быстрой. В удобной роще у одного из многочисленных холмов, тут и там торчавших на землях не только нашего Дома Денудо, но и всего королевства. Не зря же в землеописаниях королевство Арида именуют иначе королевством пустынь, а наше королевство Скеро королевством холмов?

С кряхтением размял колени и оглянулся. Никого.

Отличный граух, быстрый и послушный. Лучше был бы только граух отца, но отец, конечно, уехал именно на нем в объезд границы.

Что я позабыл – так это прихватить ячмень, так что грауху после такой скачки придётся обойтись всего лишь корой с деревьев да травой из-под снега.

Я похлопал его по мощной шее:

– Ну, прости, дружище. Обещаю в замке двойную порцию ячменя, залитого пивом.

Про себя же добавил: «Как только закончится моё наказание и меня пустят в конюшню».

Под тяжёлым плащом и толстым зимним кафтаном простолюдина у меня скрывался лёгкий доспех. Такой же, как и у младших воинов нашего Дома. Привычный и даже родной, сопровождающий меня во всех поездках.

До получения даров Предка мне приходится обходиться им, словно и вовсе не имеющему ихора в жилах простолюдину. Дары Предка защищают и даров лишь после совершеннолетия. И неудивительно, что и отец, и матушка беспокоятся, чтобы на посвящении я получил их как можно больше, а лучше все.

И сегодня я тоже приложу для этого все силы.

На поясе у меня меч и нож. Вполне достаточно даже для десятка оголодавших крестьян. Скорее я надеялся, что хоть кто-то из них не упадёт на землю, моля о пощаде, а попробует напасть.

Лучше всего для этого дела стали бы, конечно, контрабандисты, которые пытаются через горы перетащить к нам из Андамо зиальский мёд и тростник Фирма, а от – нас слёзы Амании. Настоящая опасность, не то что это. Но я и этого случая устал ждать. Хорошо ещё, что наглые крестьяне подвернулись до возвращения отца. Сомневаюсь, что при нём тележный проход оказался бы без охраны.

Возможно, просто придётся убить всех четверых беглых, даже если они бросят оружие. Я не могу позволить всякому отребью нападать на людей нашего Дома. Люди – это единственное, что у нас осталось. К тому же можно вспомнить, что раньше Малого дома Вораз и вовсе не существовало. Люди там уже позабыли, что когда-то Денудо правили и их землями.

Напомню.

Глава 5

Крайний двор встретил меня непроглядной темнотой в узких и мутных окошках. И припёртой поленом дверь. Открывать её я не стал. Мне только бестолковых и испуганных простолудинов не хватало под ногами.

Двинулся к следующему двору, досадуя на скрипящий под сапогами снег. Будь ты хоть дважды следопыт и владей Шагами безмолвной тропы, но сейчас зима, ночь и дует ветер с гор, неся с собой их морозное дыхание.

Бесполезно молить Хранителя севера заглушить этот скрип. Хотя однажды я подслушал разговор отца и Флайма о каких-то Молчаливых, идарах королевства Арида, которым их Хранители дают возможность заглушить звук. Отец тогда назвал их бесславными потрошителями и оборвал разговор.

Второй двор встретил меня заледеневшей тушей коровы. Я оскалился. Ублюдки. Вырезали из неё лишь пару кусков. Сами голодают, решили и других на это обречь.

Дальше – больше. В хлеву этого же двора на пороге у распахнутой двери нашлось тело тщедушного, в одном исподнем мужика, которому разрубили голову. Небось защищал свою кормилицу.

В моём оскале добавилось кровожадности. Значит, не ждите от меня жалости, творя такое на землях Денудо. Открывать подпёртую в этот дом дверь я не стал тем более.

Я молодец, что сделал крюк и зашёл с дальней от замка стороны, от граничной между Домами Денудо и Вораз реки. Хотя сразу подумал, что незваные гости займут дом набольшего здешних выселков, ближний к дороге.

К нему я потихоньку и крался, но на очередном шаге замер. Но не потому, что услышал скрип снега под чужими ногами или кого-то увидел. Напротив. Кое-кто исчез.

Одна из теней. Моих «теней».

Если есть темнота, то они всегда со мной. Исчезают, только когда появляются люди. Но один из домов далеко за спиной, а до следующего идти ещё три сотни шагов.

А это значит, что в той длинной скирде соломы по левую от меня руку – человек.

Дальше я двинулся вдвое медленней, замирая после каждого шага. Крался вдоль скирды, заглядывая в чёрные провалы отдушин. У пятой, ровно посредине, замер.

Мужик, заросший курчавой бородой по самые глаза. Какие-то обноски в несколько слоёв. У одной руки плохо чищенный меч, у другой – холстина с кусками мяса.

Не наш крестьянин. Это точно. На землях Денудо нет таких оборванцев. Беглец из соседских. Один из тех, что рубили двери в дома моих крестьян, зарезали кормящую их скотину и убили моего человека. Один из тех, кого я только что хотел убить.

И всё равно я замер на пять ударов сердца, уговаривая себя ударить.

Перед глазами мелькнуло насмешливое лицо Флайма: «Беззубый щенок Денудо».

Я сцепил зубы, растянул губы в беззвучном рычании и резко ударил. Не используя движения родовой техники Меча льда и света. Убийца этого не заслужил. Простой выпад, который я с шести лет повторил десятки тысяч раз.

Рука не дрогнула и в этот. Мужик проснулся, но не сумел закричать. Засучил ногами, ухватив руками пробивший горло клинок, но только разрезал себе пальцы.

Когда судороги затихли, я вытащил меч, обтёр его о тряпье мертвеца и беззвучно прошептал:

– Первый.

Появившаяся рядом тень так же тихо захрипела:

– Ха-а-ас...

Я молча шагнул прямо в неё, заставляя убраться прочь с моего пути.

Следующего наблюдателя я нашёл только во дворе набольшего. Этот не спал, напевал себе под нос что-то заунывное и неразборчивое, даже не слышал меня, пока я по скрипящему насту подбирался точно под сеновал. Я же прижался ниже лаза, перевёл дыхание и тихонько постучал каблуком по бревну стены. Песня тут же стихла, надо мной с испугом забормотали:

– Ох ты ж, чегось это? Старшой, ты? Не сплю я, не сплю.

Едва над головой появился тёмный силуэт, я распрямился, добавляя рукам силу ног. Хрустнуло, меня залило обжигающей на морозе кровью, ослепило. Я зарычал по-настоящему, на этот раз не сумев сдержаться, провернул клинок, вслепую ухватился за одежду врага, рванул на себя, выдернув наружу, подминая, готовый ударить ещё. Но он даже не пытался сопротивляться.

Протерев глаза, я тут же отвернулся, благодаря Хранителя за то, что ужин был так давно. Я попал мужику точно в рот, а хрустели его зубы и череп. Мне хватило силы пробить его голову мечом насквозь.

Я отёр лицо снегом. Раз, другой, третий, пока снег не перестал окрашиваться тёмным в свете лун. Чтoб об этих горластых солдатах замка сама память стёрлась, а их имена даже дети позабыли. Теперь я не только видел кровь, я ей, кажется, напился.

Плевать. Я Денудо. И я ничего не боюсь.

Ухватился за рукоять меча и рванул его на себя.

Двое. Их осталось двое. Тени подсказали, что люди есть только в доме. Всё же я нашёл пользу от этого проклятья крови Оскуридо.

На миг мелькнул соблазн подпереть дверь и дожждаться солдат. К обеду граухи отойдут от солнечника, и к четырём вечера воины Денудо будут здесь. Всё, что я хотел, я ведь уже доказал?

Но мысль об алтаре Хранителя и словах матушки заставила меня пригнуться, входя в дом. Отец – Великий паладин меча, Клинок. Пусть я поражён проклятьем слабости, пусть я буду слабей отца, но мне обязательно нужно стать хотя бы Паладином меча, чтобы достойно выступить на Играх Предков. И хватит ли на это жизней двух голодных оборванцев, что не успели даже взяться за свои ржавые мечи? В чём тут подвиг? Что эти смерти добавили в мою уверенность? И разве решение дожждаться солдат – это не трусость?

Я поднял взгляд на темнеющий впереди бесформенный холм дома. Бывал я в таких при объезде земель. Даже дважды ночевал с Флаймом, когда охота уводила нас далеко от замка. Наполовину врытая в землю коробка из брёвен снаружи обсыпана землёй и камнями, а сейчас ещё и снегом. Внутри же она разделена на две части ещё одной стеной. На самом деле там и места не так много, как кажется. И точно некуда бежать.

Расстегнул плащ и позволил ему опасть на снег. Сверху бросил пропитанный кровью кафтан, оставшись только в доспехе.

Смотреть в окошки бесполезно. Они темны.

Ни первая, ни вторая дверь на петлях из кожи даже не скрипнули. Зато я чуть не рухнул в чулане между ними, споткнувшись о брошенные поленья.

Перебрался через них, в щель оглядел комнату, пользуясь тем, что темнота для меня проницаема. Вот они оба. Дрыхнут на лавках, укрывшись какой-то старой рухлядью. На столе объедки, в углу какая-то непонятная груда...

Один из лежащих шевельнулся:

– Грен! Чего припёрся и выхолаживаешь? А ну, пшёл сторожить щенка! До расвета ещё...

Я шагнул вперёд, ноги сами заученно скользнули по земляному полу по Безмолвной тропе, не давая мне споткнуться. Первый удар тому, что проснулся. На его хрип заволокло вскочил второй. Я только и увидел, как над бородой блеснули глаза. Туда я и нанёс укол.

Раньше, чем я успел вытащить завязший меч, в комнату ворвался свет. Я рванул рукоять оружия на себя, отскочил на два шага назад, затем ещё на шаг, давая время глазам привыкнуть. Проморгался наконец и выругался. Кто меня тянул за язык с подвигом?

Может, тот крестьянин считать разучился?

Беглецов оказалось пятеро.

И тот, что сорвал плотную шкуру, которая завешивала проход между половинами дома, был кем угодно, но не оголодавшим крестьянином.

Ярко освещённая комната за его спиной, ни следа сна в глазах, впалые щёки покрыты недельной щетиной, коротко обрезанная густая грива серых волос, цепкие тёмные глаза. На широких плечах отблески пламени. Если он и прилёг, то сделал это, не снимая доспеха. Справного, начищенного доспеха достойного старшего воина.

Я вновь выругался. Самодовольный щенок. В голове заполошно метались мысли.

Когда я увидел в стоге у первого меч, то почему не задал себе ни одного вопроса? Откуда мечи у бывших крестьян, у таких оборванцев? Они положены только тем, кто пошёл под руку владельцу земель, записался в его солдаты и на алтаре Хранителей клялся отплатить верной службой за искусство пути меча.

Или у тех, кто убил воинов владельца.

Или у тех, кто предал клятву владельцу.

Вот этот, что стоит напротив с мечом в руке, как раз из таких бывших воинов.

Клятвоотступник.

Доспех надёжно защитит его от половины моих ударов.

Меч... Вот меч, пусть и длинней моего, здесь, под низким потолком хибары, будет скорей мешать. Но отлично позволит пырнуть меня в спину, если я попробую бежать. Впрочем, я этого делать не собираюсь. Ихора в его жилах слишком мало, чтобы наказать за нарушение клятвы. Значит, я сделаю это своими руками.

Бывший солдат ухмыльнулся, лишь подтвердив мои мысли о клейме клятвоотступника, обнажая почерневшие зубы:

– Экий ты прыткий, до рассвета ещё далеко, а ты уже тут как тут. Ну да ленивым дуракам туда и дорога, куда ты их отправил, сопляк Денудо. Меньше мне потом мараться.

Я невольно огрызнулся:

– Это кто здесь сопляк?

Бывший солдат лишь сильнее растянул губы:

– Не нужно брехать. Пацан при мече да в доспехе. Кто б ты ещё был? Наследный сопляк Денудо. Так ведь?

Я расправил плечи и процедил:

– Раз ты такой умный, то самое время упасть на колени и умолять о прощении.

Бывший солдат снова ощерился чёрными зубами:

– Да ладно? Ты ж ещё не вошёл в силу, даже такой простолюдин, как я, в силах свернуть тебе шею. И никакой ихор давно дохлых Предков тебе не поможет. Сейчас мы на равных, сопляк.

Бывший солдат сделал два коротких шага, заставив меня стиснуть зубы. Это точно первые два из Тридцати шагов северной тропы. Чтоб имя этого Вораза его дети позабыли. Он раздаёт тайны Дома Денудо всякому отребью! Неудивительно, что этот начал гнить после бегства – в его жилах есть толика ихора.

– Знаешь, – доверительно сообщил мне бывший солдат, – когда я притащу твою голову владыке Воразу, наградой мне будут слёзы Амании.

Я не удержался от смеха.

А жирному борову Воразу самомнения не занимать. Владыка, ты погляди. Так именуют только короля.

Осторожно шагнул влево, поднимая меч в стойку, ловя бывшего солдата на кончик меча, с насмешкой ответил:

– Скорее это заставит отца стереть с лица земли Малый дом Вораз. Так что твой жирный владыка отрубит тебе голову, чтобы сохранить тайну и не тратить на начавшего гнить клятвопреступника слёзы Предка.

Бывший солдат цыкнул:

– Тц-ц, а ты прав, сопляк. Спасибо за твой последний совет. Придётся мне быть осторожней с наградой за тебя.

Я напал первым, наполняя тело жаром огня души. Шаг вперёд, на выдохе стремительный выпад, больше похожий на бросок змеи...

Так мне казалось в мыслях. Бывший солдат успел вскинуть меч, легко отбив мой удар, и напал сам, используя движения Меча льда и света, его первое умение – Дождь клинков.

Движения его были быстры, но им не хватало точности и твёрдости, он всё делал небрежно, неверно, не понимая сути. И, конечно, в его жилах не хватало ихора. Я одним движением клинка смёл то, что он, наверное, гордо называл образами меча.

Несколько ударов сердца сталь звенела о сталь, а затем раздался истошный вопль.

Шаг назад мы сделали оба. И я, и бывший солдат. Вопила какая-то полуголая баба, которая выглянула из той комнаты, где он прятался раньше. И вопила она, глядя в угол.

Я позволил себе быстрый, короткий взгляд в ту сторону. Бесформенная куча в углу оказалась горой тряпок и шкур, из-под которой торчала рука.

Спустя два удара сердца я вернул взгляд на бывшего солдата. Глаза в глаза. Он шагнул в сторону, коротко взмахнул рукой, оплеухой отправив бабу в беспамятство, беззлобно буркнул:

– Разоралась.

А я лапнул с пояса нож и напал снова.

Шаг вперёд, укол в глаза, позволить клинку рухнуть вниз, на чужой меч. Навалиться, тесня солдата безо всяких изысков пути меча. Так, как учил Флайм. И ткнуть ножом в бедро. В слабое место доспеха.

Бывший солдат заорал, рванулся, вцепил мне по зубам кулаком. Я отлетел в сторону, на миг потерялся, мир словно вспыхнул, ослепляя. А когда пришёл в себя, то обнаружил, что потерял меч. И нож.

А напротив меня озверевший от ярости бывший солдат.

Он с рыком вырывает из бедра мой нож, через миг швыряет его в меня. Я успеваю прикрыть лицо рукой, и клинок безвредно скользит по стальной чешуе, отлетая в сторону. А когда опускаю руку, то бывший солдат уже шагает ко мне.

От первого и даже второго удара я ускользаю влево, в угол, к своему ножу. Я меньше, ловчее, у меня две целых ноги, и мои Шаги тропы лучше. Но у меня нет меча.

Третий удар обрушивается на плечо и спину, пронзает болью, но остановить меня уже не может, я ударяю врага всем телом, сбиваю с ног, падаю сверху, ухватив его за горло. Солдат снова бьёт меня кулаком, и снова мир вспыхивает, а руки слабеют.

Через удар сердца уже солдат вжимает меня в земляной пол, наваливается сверху, бьёт головой. Но я успеваю отвести голову в сторону, смягчить удар. Солдат яростно взрывается, вскидывается. Его меч сверкает, слепя меня отсветом. Я отмахиваюсь, принимая удар на предплечье. Вместо того чтобы пробить мне горло, меч скользит по стальной чешуе, утыкается в грудь, а через мгновение солдат наваливается сверху на рукоять.

Из меня выбивает весь воздух, клянусь Хранителем, я слышу треск собственных рёбер, но доспех выдерживает, а чужой меч соскальзывает, утыкаясь в пол где-то у подмышки.

Солдат снова рычит, скалится, словно волк, и опять вскидывает меч, на этот раз рубя им, а не пытаюсь меня нанизать.

И снова я прикрываюсь левой рукой, ору от вспыхнувшей в ней боли, а солдат бьёт ещё и ещё раз, словно пытаюсь отрубить мне руку.

Но я наконец нащупываю свой нож, рвусь, едва видя сквозь тёмную пелену боли, и всаживаю его в голову солдату, прямо в ухо.

Он захрипел и рухнул сверху, выбив из меня воздух. Я попытался столкнуть его с себя и только тут ощутил, насколько мне плохо: кружилась голова, горела нестерпимым огнём рука. Не знаю, орал ли я, когда солдат рубил меня, но сейчас, под тяжестью его мёртвого тела, я едва мог сипеть, не в силах даже выдохнуть из себя проклятье, а тем более вдохнуть полной грудью. Казалось, изломанные рёбра сейчас проткнут кольчугу и вылезут наружу.

Внезапно я увидел босые женские ноги. Затем руку, которая ухватила с пола мой меч.

С трудом прохрипел:

– Дура. Я Лиал, сын твоего владельца Нумеро Денудо. Помоги мне, скоро здесь появятся солдаты из замка.

Меч рухнул обратно на пол, но вместо того, чтобы помогать мне, женщина бросилась перелезать через меня, в прямом смысле наступив на грудь. Я застонал, и последнее, что увидел из-под мертвеца, как она отшвыривает в сторону тряпки, открывая залитое кровью тело какого-то бородатого мужика.

А потом боль исчезла.

Глава 6

Выздоровливал я тяжело. И матушка множество раз находила повод напомнить, что я ещё легко отделался. И только потому, что она сначала сумела поднять четырёх граухов на ноги, выведя из их крови солнечник, а затем вскочила на одного из них и поскакала вместе с гаэкуджа. Что, если бы не она, то я истёк бы кровью и задохнулся.

Я лишь каждый раз неизменно кивал. Да. Так и было бы, матушка, ведь рёбра не пробили кольчугу, но пробили мне лёгкое. Да, матушка, я вам благодарен. И благодарен бдительным стражникам. А затем каждый раз добавлял:

– Но случись это снова, всё равно бы поступил так же.

Матушка вспыхивала, ругалась и клялась, что, едва вернётся отец, то уж она постарается так описать ему мои хождения, что я взвою и наконец уберу эту недостойную усмешку с лица.

После этих слов я и впрямь переставал улыбаться. Но вовсе не потому, что переживал о наказании. Нет, я переживал об отце. Он задерживался. Сильно задерживался в своей неурочной поездке по границе и, что ещё хуже – от него не было вестей.

А за окнами замка уже началась весна. Сошёл снег, ручей налил силой воды, стекающей с гор, и наполнил ров вокруг замка, вымыв заодно и весь мусор, что в нём скопился за долгие месяцы. В какое из окон ни посмотри, все вокруг, до самого горизонта, покрылось зелёной травой. Тут и там на склонах холмов видны чёрные пятнышки выгнанных на прокорм овец и редких коров.

Сейчас было бы здорово промчатся под ласковым солнцем на граухе, наведаться в ближний лес. С удовольствием бы взвалил на плечи даже камни или бревно, чтобы закалить тело. Но нет. Всё это мне запрещено. Да я бы и не сумел.

Возможно, я излишне подозрителен, но мне всегда казалось, что сил и умения адепта при отряде солдат с запасом хватало на их раны. Оставим в стороне грудь, на которой изрядно попрыгал сначала солдат-клятвоотступник, а затем та баба. Но рука, рука-то должна уже была зажить за прошедшие полтора месяца?!

Тем более что мама лично лечит меня, а уж она во много раз сильнее, чем наёмный адепт-простолудин, в чьей крови струится лишь капля ихора.

Я закатал рукав, сжал пальцы несколько раз, глядя, как извиваются багровые шрамы на предплечье. Остановился, только когда они стали ныть. Но так не получил ответа на свой вопрос. Впрочем, у меня есть человек, который узнает, не ходят ли по замку слухи о том, что моё выздоровление затягивают.

Только он, похоже, скрывается от меня, потому что я до сих пор не могу его отыскать. Трус.

Напоследок ещё раз глянул в окно и замер, уставившись на далёкие точки, что появились на дороге из-за холмов. Я заставил себя замереть где стоял, не бежать сломя голову к матушке. Точки превратились в пятнышки, затем в крошечные фигурки всадников, позволяя наконец разобрать цвета развевающихся плащей. И только тогда я разрешил себе сорваться с места. И сумел опередить даже посланника от гаэкуджа Креода:

– Матушка, отец вернулся!

Впрочем, она не выполнила своих угроз. В её рассказе я был всего лишь непослушным ребёнком, который сорвался в ночь ради подвигов. И едва не погиб.

Отец привычно отклонился на спинку стула, позволяя сменить ему блюдо, поморщился, когда увидел, как к нему из-за матушки шагнула Карина, и вспомнил, что за его спиной теперь нет Флайма. Подвёл итог разговору:

– Странная история. Уж бывший солдат должен был понимать, что самое долгое через десятицу, но их бы обнаружили. Даже если бы они повели себя как зверьё и убивали всех проходящих. И уж тем более не должен был надеяться, что хоть кто-то спустит ему с рук убийство наследника Дома. Трудно найти преступление хуже. За него Дом могут разорвать на части, не дожидаясь Игр Предков.

Я лишь застыл, не донеся куска мяса до рта. Раньше я не задумывался об этом. Матушка промолчала, а отец хмыкнул:

– Ну да ладно. Не могу сказать тебе, Лиал, что горжусь тобой. – А вот здесь я скривился. И моя гримаса стала лишь сильнее, когда я услышал дальнейшие слова отца. – Гордился бы, если бы ты остался на ногах, когда прикончил этого клятвоотступника. Никогда не поверю, что по пути меча он шагнул дальше, чем ты.

Я буркнул:

– Я всё же наследник, пусть и проклят слабостью крови.

Отец отмахнулся:

– Глупость. Сколько можно повторять, что на пути меча не так уж и важен ихор? Да, идарам легче, но по пути меча может идти любой. Важно не число даров на посвящении, а твоё желание и упорство. История...

Я перебил его:

– История знает множество примеров, когда простолюдины основывали наёмные отряды, занимали высокие посты в Доме Осколков и даже добывали себе земли Домов.

Отец вскинул брови и хмыкнул:

– Гляжу, эта история изрядно добавила тебе наглости, Лиал. Но, уж прости отца, в схватке тебе не хватило решительности.

Я смутился, уставился в тарелку. Матушка же вполголоса заметила:

– Всю потратил на свой побег.

Отец засмеялся, кивнул соглашаясь:

– Не иначе. Зато в следующий раз, Лиал, ты точно будешь бить не колеблясь.

Я был совсем не согласен с тем, что я там где-то колебался. Но послушно сказал:

– Конечно, отец.

Он широко улыбнулся:

– И всё же я очень тобой доволен, сын. Всё вышло едва ли не лучше, чем я собирался устроить с Флаймом. – От этих слов я уже не скривился, а вздрогнул, но отец ничего не заметил, продолжил с воодушевлением говорить. – Этот опыт пролитой крови, полученных ран тебе скоро пригодится.

Матушка застыла, через пару ударов сердца выпрямилась и гневно спросила:

– Нумеро Денудо, объяснись, о чём ты? Надеюсь, ты не собираешься и впрямь таскать его на поимку контрабандистов?

– Нет, – Отец перевёл взгляд на матушку. – Я договорился о его приёме в Кузницу Крови.

– Нумеро! – матушка второй раз в жизни грохнула кулаком по столу. – С каждым разом твои затеи всё более и более бредовые! Сначала юг и услужение, теперь Кузня. Ты вообще в своём уме? Он первенец, первородный сын. Кузня? Что ему там делать?

Отец опустил руки на стол, не обращая внимания на разгневанную матушку, спокойно спросил у меня:

– Вижу, ты уже сыт? Думаю, тебе пора отправиться на занятия с сабио Атриосом. А завтра с утра немного позвеним мечами, и я покажу, где ты ошибся в схватке с тем клятвоотступником.

Я невольно глянул на отвар, к которому ещё даже не прикасался:

– Да, но...

Отец с нажимом повторил:

– Иди, сын.

Дверь за мной Карина закрыла плотно. И, как бы я ни прислушивался в кабинете сабио, так и не услышал криков. Они не ругались. Что уже было хорошо. Но знать бы ещё, что это за Кузня...

– Юный господин, вам неинтересно?

Опомнившись, я поднял взгляд на сабио, и сам задал вопрос:

– Сабио, а что за место Кузня Крови?

Он нахмурился, неуверенно пожал плечами:

– Не могу ответить, юный господин, хотя мне кажется, что в молодости я слышал это название.

Я разочарованно скривился:

– Жаль.

Сабิโอ лишь развёл руками:

– Если я не сумел ответить на ваш вопрос, то, может, хоть вы сумеете ответить на мой, юный господин?

Хотел бы я это сделать, только вообще не помню, что он говорил весь прошлый час.

* * *

Едва за Лиалом закрылась дверь, как леди Терсия с расстановкой выдохнула:

– Кузня Крови? – И тут же потребовала: – Объяснись, Нумеро.

Он покачал головой, поставил локти на стол, сцепив перед собой пальцы:

– Ну уж нет. По очереди. Я мёрз во льдах три месяца, чтобы едва не лишиться сына? Что за бред я только что услышал про бегство Лиала и случайно попавшегося ему на пути воина-клятвоотступника? Мне что, половину солдат замка порубить за сон на посту?

Терсия страдальчески поморщилась:

– На них как раз вины нет. Среди слуг замка нашелся человек, польстившийся на деньги Вораза. Он втёрся в доверие к Лиалу, а потом наплёл ему историю, что на деревню напали беглые крестьяне. Лиал решил спасти их сам, опередив воинов замка.

Нумеро потёр лицо, задумчиво произнёс:

– Количество бреда стало лишь больше. С чего он вообще загорелся такой глупостью? Наследник Денудо лично защищает неизвестные выселки? Сколько там, пять дворов? – Видя, как кривит губы жена, Нумеро замолк, а затем с гневом потребовал: – Терсия!

Она помолчала несколько ударов сердца, нерешительно начала:

– Я... Я немного изменила нагрузку Лиала на занятиях, ну, на занятиях мечом.

Нумеро грохнул кулаком по столу:

– Бесхребетный слизняк. Так, значит, в верности Креод клялся на алтаре мне, а приказы выполняет твои?

Терсия вскинула руки, обращая их ладонями к Нумеро:

– Он клялся служить всем Денудо!

Это ничуть не успокоило Нумеро:

– Но, выбирая между моими приказами и твоими, он выбрал тебя. За красивые глаза, наверное...

Терсия вспыхнула, вскочив, прошипела:

– Не смей! Чтобы я этого не слышала.

Нумеро прокатил желваки по скулам, кивнул:

– Хорошо, хорошо. Я замолчу. Но ты сейчас постарайся не упустить ни слова в своём рассказе.

* * *

Вечером, когда я уже лежал и пьялился на колышущиеся за балдахин тень, они исчезли, дав мне понять, что кто-то вошёл в коридор.

Я подобрался, прислушался, шагов не различил, но затем в дверь тихо постучали.

За ней обнаружилась матушка. Одна. Даже без Карины.

Я молча шагнул в сторону, пропуская её к себе.

Матушка присела на край кровати, вздохнула и сообщила:

– С завтрашнего дня сабио Атриос изменит план обучения. Вы будете больше времени уделять родам всего королевства, не только севера. Ещё добавим этикет, чтобы ты не выглядел провинциальным увальнем.

Я лишь скривился. Гости у нас редки, и в прошлый раз я и впрямь забыл, что, обращаясь к владельцу Великого дома, обязательно нужно именовать его светлостью. Но неужели это так важно, что матушка пришла ко мне в это время?

И тут я понял. Хмыкнул:

– Значит, Кузня Крови? Ты не сумела уговорить отца отказаться от этой затеи?

Матушка подняла руку, огладила меня по лицу пальцами. Я успел заметить, что они дрожат.

– Родной, я и впрямь не хочу этого. Но отец прав. Наш Дом ждут тяжёлые времена и, возможно, это единственный способ сделать так, чтобы ты остался жив, а наш Дом выстоял.

Я вскинулся от этих слов:

– Что?!

Матушка грустно улыбнулась:

– Всему своё время. Когда ты вернёшься с обучения, то всё узнаешь. Обещаю.

И обняла меня.

Я тоже вжался в неё, наслаждаясь редкой лаской, слушал удары её сердца. Наконец вздохнул:

– Хорошо, я понял. Но хотя бы, что это за место Кузня Крови, я могу узнать?

– Конечно, милый, конечно.

Матушка отстранилась, на мгновение отвернувшись, украдкой смахнула слезинки.

– Кузня Крови – это... место, где один из Домов нашего королевства уже десятки поколений принимает на обучение детей других Домов.

Я внимательно слушал, не перебивая. Во всяком случае, начало звучало неплохо. Лучше, чем прошлая идея отца отправить меня на юг в служение.

– Ты же знаешь, что пока на Играх Предков были разрешены сражения до смерти, многие Дома теряли первенцев. И слабели.

Под взглядом матушки я кивнул. Об этом говорили и отец, и сабио. Слабели Дома и после обычных проигрышей, даже когда участники оставались в живых, потому как теряли ихор, поставленный на кон схватки. Отец, кстати, чемпион всех последних двадцати Игр. Он не проиграл ни одной схватки. Жаль, что с уходом Предков, идары не могут становиться сильнее. Отец как получил при посвящении все шесть даров Предка, так и остался Великим паладином меча.

Да, год за годом он становился сильнее в мече, ему стали подвластны все шесть умений Меча льда и света, он один из тех немногих, кто достиг границ и заслужил титул Меч ледяной стужи. Но это предел. Тысяча лет как ушли Предки, тысяча лет, как без них никто не ступил за предел, не стал Тальмой или Теургом.

Потому-то вскоре после моего рождения король и принял эдикт, ограничивший схватки между Домами, Игры Предков и долю проигрываемого ихора.

Матушка шептала в полумраке комнаты:

– Кузня же даёт шанс таким Домам восстановить свою силу, создать нового наследника.

И всё же я не удержался от вопроса:

– Это как?

Матушка на миг поджала губы:

– Туда принимают вторых и третьих детей. Тех, в ком слаб дар внутренних техник и силён дар внешних. Упражнениями и испытаниями закаливают их, разжигают ихор в их крови.

Я ощутил, как у меня дёрнулась щека:

– Но я ведь не второй сын. Значит, отец думает, что моя кровь слаба сама по себе? Даже без проклятия? И даже сумел убедить в этом тебя. А ты... ты же сама говорила, что лучше развивать мой талант внешних техник. Что изменилось, мама?

Матушка потянулась ко мне, огладила по плечу:

– Мне жаль, Лиал. Я и впрямь так считаю. Но сейчас мы не можем позволить себе быть слабыми, у нас нет столько времени. Внешние техники – это хорошо, но закон сейчас ставит во главу угла путь меча и Игры. Боюсь, отец прав, тебе нужно на посвящении стать не меньше, чем Паладином меча.

Я скривился:

– Я понял. Я не выигрывал ни у отца, который поддавался мне, я не выигрывал у Флайма, который всего лишь простолюдин...

Матушка схватила меня за руку:

– Это не так! Флайм – незаконный сын одного из владельцев Дома. Не Малого, а полноценного Дома. Пусть он даже не третий сын, но ихора в его жилах хватило бы, чтобы посрамить половину из бродяг Дома Осколков.

Прищурившись, я размышлял, правда ли это? Как тогда я вообще сумел его убить? Сколько даров было в его крови? С подозрением спросил:

– Но воин-клятвооступник ведь тоже имел в жилах ихор? – Принялся перечислять свои сомнения: – С одной стороны, он явно начал гнить, я видел его зубы. С другой, после нарушения клятвы он должен был ослабеть, Хранители наказали его, но он не только использовал Шаги, но и вкладывал в них огонь души. А я его победил, – упрямо добавил. – Как бы там ни считал отец.

Матушка кивнула:

– Ты сошелся с ним в грубой силе и победил. Подросток, ещё не прошедший посвящения, переборол крупного мужчину. Какое ещё доказательство тебе нужно?

Помедлив, я повторил жест матушки, кивнул, соглашаясь:

– И если уж говорить о древности крови, то ни кровь Денудо, ни кровь Веноз ничуть не моложе тех же Огруло или даже Биос. Разве я не должен был быть сильнее Флайма в любом случае?

Про себя же добавил то, что никто не должен был услышать: «А если брать кровь Оскуридо, то по древности я был бы равен и королевскому роду Умбрадо».

Матушка же лишь погладила меня по плечу:

– Хороший настрой, сын мой. Проигрыши случаются, даже твой отец, чемпион, было время, падал в грязь. Отец будет тебя тренировать, я тоже постараюсь помочь. Время ещё есть. Там, куда ты едешь, будут побочные ветви Домов, самое большее вторые и третьи сыновья владельцев. Я покажу тебе простейшие внешние техники.

Я вскинулся было, но матушка верно меня поняла, покачала головой:

– Нет-нет. Мы не будем усугублять твою проблему и что-то учить по-настоящему. Я лишь покажу жесты и скажу слова, чтобы ты знал, что они могут использовать против тебя на первых порах. Главное – помни – наследники сильнее любого второго сына. Одного ихора, спящего в ожидании посвящения, хватит на то, чтобы справиться с большей частью их уловок. Тем

более силён будешь ты, в ком смешалась кровь столь великих Домов. А вообще, я рада, что ты достойно принял весть о Кузне.

Матушка снова погладила меня по плечу и вышла раньше, чем я успел хоть ещё что-то спросить. А я ещё долго глядел ей вслед сквозь дверь. Даже когда тени потянулись ко мне:

– Ха-а-ас-с-с...

Лишь шевельнул плечом, сбрасывая леденящую хватку.

Сейчас я даже рад, что матушка ушла, не дав задать ей ни одного вопроса. Мне нужно больше думать над тем, что я говорю, сдерживать язык.

Хочу ли я на самом деле узнать, говоря о крови Великих домов, какие Дома матушка держит в мыслях?

Денудо. Веноз. И... Оскуридо?

С ненавистью глянул на тени.

Надеюсь, вас развеет в клочья, когда я буду проходить посвящение на алтаре в этой Кузне Крови. Надеюсь, посвящение выжжет из моей крови и проклятье слабости, и вас.

Отец и матушка хотят, чтобы я стал Паладином меча? Не верят, что я сам, без Кузни Крови могу это сделать? Хорошо, пусть так, я даже не буду завтра спорить с отцом и сопротивляться поездке туда. Но, клянусь Хранителем севера, что завтра на тренировке я постараюсь дотянуться мечом до отца.

Глава 7

Отец распрямил плечи, шагнул ко мне и стиснул в объятьях. Всё такой же высокий, всё такой же сильный, как и в детстве. Рёбра затрещали, но я уже два месяца, как полностью здоров, так что даже не подал вида. Тем более что это первые объятия от отца за последние два года. А следующие будут не раньше, чем через полтора года, когда я закончу обучение, пройду посвящение на главном алтаре Юга и вернусь домой.

Отступив, отец напомнил:

– Деньги на дорогу у Креода. Твои деньги в седельной сумке, в кошеле из цветочного дамаста. Следи за ним в дороге. В традициях Кузни Крови заказывать ученикам взрослый меч, с которым они пройдут посвящение Хранителям. Я сам хотел бы это сделать... Но... – Отец улыбнулся, как-то беспомощно, ни разу не виданной мной у него улыбкой. – Так нужно. Прости меня.

Я кивнул. В который раз за эти недели.

Отец достал из пояса цепочку, толщиной в половину моего пальца. Восточное плетение, когда звенья не плоские и скручиваются с соседями, а сама цепь при взгляде со стороны кажется едва ли не круглой. На цепи тяжёлый серебряный медальон с гербом Денудо – снежный барс на лазури.

Я наклонил голову, позволяя отцу надеть на меня медальон. Уха коснулся шёпот:

– Внутри спрятана самая большая слеза Амании нашего Дома. То, что нужно будущему Паладину Хранителя севера, чтобы враги королевства бежали в ужасе от одного имени Лиала Денудо.

Невольно я коснулся медальона, ощутив пальцами его прохладу. Если верно понимаю, то отец отдал мне свою личную слезу. Прозрачный, наполненный голубым сиянием камень размером с косточку вишни. Заключённой в нём силой огня души отец пользовался в походах и на Играх.

Либо такого же размера слезу, которую несколько лет назад нашёл в ремне у пойманного контрабандиста. Скорее всего её. Ту самую слезу, с которой и начались его вечные поиски в горах. В любом случае он отдал едва ли не половину силы и состояния нашего Дома.

Невольно шепнул в ответ:

– Зачем, отец? Я ещё год не буду способен использовать её.

– Мне так будет спокойней.

Я вздохнул и тихо поблагодарил:

– Спасибо, отец.

Он шагнул в сторону, уступая место матушке. Она поцеловала меня в лоб. Так, как не делала уже лет шесть или семь, с тех самых пор, как я стал спать отдельно и взял в руки свой первый, еще деревянный меч. Поцеловала как ребёнка.

Отстранившись, принялась жадно оглядывать меня. Я замер, не зная, что сказать и как себя вести сейчас. Наконец матушка отвела заблестевший взгляд, протянула мне запечатанный конверт:

– Это письмо моей младшей сестре. Сейчас Миката супруга владельца Великого Дома Рабио. Они не очень богаты и влиятельны по меркам столицы, но в случае нужды ты можешь получить у неё помощь. Мы хорошо ладили и сейчас продолжаем переписываться, так что она не откажет тебе.

Я снова поблагодарил:

– Спасибо, матушка.

Но про себя решил, что воспользуюсь этим письмом лишь в крайнем случае. Выступать в роли просителя мне ещё не приходилось, если не считать попыток уговорить Флайма скрыть мои просчёты с внешними техниками. Неудачных. Не хотелось и начинать новых попыток.

Матушка рванула с пояса платок и уступила место отцу. Он заслонил её своей широкой спиной, вновь нагнулся ко мне и вновь зашептал:

– По дороге или в самой Кузне ты встретишься с остальными нашими, кто едет в Кузню. Север должен держаться вместе, тем более там, где вокруг чужаки. Запомни, сын, это здесь, у подножия наших гор мы можем ругаться друг с другом, но там, вдали от гор, вы сможете положиться только друг на друга.

Я медленно кивнул. Выходит, что не только я еду в Кузню Крови в этом году. Не только наш Дом пытается заставить ихор гореть в крови сильнее. Вряд ли, конечно, кто-то ещё из наследников. Видел я многих из них на ярмарках. Я на их фоне самый мелкий. Зато с самыми крепкими кулаками. Вторые или третьи сыновья? Вот так сразу и не вспомнишь, кто по возрасту может оказаться вместе со мной в Кузне. И это не считая тех, кого я вовсе и не видел ни разу.

Отец сжал мне плечо, через удар сердца отступил, встал рядом с матушкой, которая уже спрятала платок. Негромко напутствовал меня:

– Отправляйся, сын. И возвращайся Великим паладином меча. Вдвоём мы вернём величие нашего Дома и заставим всех зрителей Игр Предков говорить только о нас.

Матушка пихнула отца, заставляя его замолчать, и сказала совсем другое:

– Просто скорей возвращайся, сын. И неважно кем. Пусть и простым Мечником.

Отец возмущённо засопел, заставив матушку вздохнуть. Он поджал губы, глядя на неё и вдруг повернулся ко мне:

– Она права. Неважно сколько даров ты получишь. Помни, что одно дело дары Хранителей, другое дело путь меча. Первое зависит лишь от крови, а второе только от тебя. Мы сможем вернуть величие нашего Дома в любом случае. Плевать на то, что будут кричать на Играх и шептать за спиной. Просто возвращайся, Лиал.

Словно смутившись, отец отвёл взгляд и взял матушку за руку, сплетая свои сильные пальцы с её тонкими и нежными.

Помедлив, я поклонился:

– Отец. Матушка. Благодарю вас за наставления. Прощайте.

Выпрямившись, стремительно развернулся и двинулся прочь, к конюшне. Не оборачиваясь и жалея, что не могу достать платок. Слёзы неудержимо лились из глаз. Хотя я давно не ребёнок. И даже научился спать в темноте.

Обернулся я только на склоне третьего холма, когда разглядеть, стоит ли кто во дворе замка было уже невозможно. Больше я не оборачивался и молчал.

Молчал и гаэкуджа Креод, который сопровождал меня в этой поездке. Даже не знаю, с одной стороны, это признание верности – возложить на него ответственность за наследника и долгий путь. С другой – иначе как немилость отца лично я это поручение не могу рассматривать.

Впрочем, тогда стоит признать, что немилость легла и на меня. Что у Креода теперь нет ни одного солдата под рукой, что я еду всего с одним сопровождающим. Если верить рассказам матушки, то в столице даже никчёмные ветви Малых домов имеют отряды в десятки мечей.

Вечером, когда я чистил коней, а Креод вернулся из леса с очередной вязанкой валежника, я не выдержал, спросил:

– Креод, никак не разберу. Тебя наказали после моего ранения?

Он даже не повернулся ко мне, продолжал ломать ветки, спросил:

– О чём вы, господин?

Я спокойно пояснил:

– Где десяток солдат, который и должен разбивать наш лагерь?

Креод пожал плечами:

– Тогда, видимо, наказали вас, господин.

Я лишь рассмеялся, так точно он повторил мои мысли.

Креод наконец повернулся ко мне и пояснил:

– В столицу из всех старших воинов ездили только Флайм и я. Думаю, не упади он по пьяни с лестницы, и в этой поездке вас сопровождал бы именно он. Если вам это интересно, господин, то ходил слух, будто он должен был стать вашим дистро. После посвящения.

Смех застрял у меня в глотке. Я сухо спросил:

– Но не ты?

Он лишь снова пожал плечами:

– Не я. А что до солдат, господин, то дороги севера безопасны. А в Вествоке мы приста-нем к крупному обозу торговцев и вместе с ними двинемся к столице. Это и быстрее, и надёж-ней.

Я закончил с конями, насыпал им в торбы зерна и двинул к костру.

Креод указал рукой на лапник и негромко сказал:

– Ещё одно, молодой господин. Я знаю, вы всегда любили выезды на охоту или объезды владений. Но... Кхм! – прочистив горло, Креод решительно продолжил. – Это всё затянется не на один и не два дня. Господин приказал мне двигаться так, чтобы не привлекать внимания. А лучший способ это сделать, позабыть о том, что вы сын владельца.

Сообразив, что молчание затягивается, я махнул рукой:

– Я понял это, едва увидел, что нам вывели простых коней, а не граухов. Продолжай, Креод.

Он негромко выдохнул, встал ко мне полубоком и принялся ломать валежник, подбра-сывая его в костёр:

– Господин потому и не послал больше людей. Это уже не два безродных наёмника, что ищут, где и кому продать свои мечи, а целый отряд. Он привлекает к себе слишком много внимания.

Я покачал головой, глядя на набирающий силу огонь. У меня в седле деньги на взрослый меч. На груди у меня слеза Амании стоимостью в половину годового дохода нашего Дома. А я слышу про двух безродных наёмников. Мы теперь что, должны ютиться на сеновалах и отби-ваться от воря?

Вздыхнул:

– Что же делать, придётся выполнить и этот урок отца.

Креод согнулся в поклоне:

– Благодарю за понимание, господин.

* * *

Далеко за холмами и лесом, там, куда взгляд не достал бы, даже залезь Креод или Лиал на самый высокий холм округа, в замке Денудо тоже готовились ко сну.

Пытались.

Терсия замерла со щёткой в руке, давно позабыв о волосах, невидящим взглядом уста-вилась в зеркало. Негромко спросила:

– Верно ли мы поступаем?

Нумеро, стоявший у окна и вглядывавшийся то ли в темноту полей, то ли в сияние лун сестёр, устало ответил:

– Нам повезло, что слуга оказался трусом и не решился подсыпать яда. Думаешь, Атий Вораз на этом успокоится? Теперь, когда нет опытного и сильного Флайма, то... Мне страшно

выпускать Лиала за стены. До посвящения ещё больше года, а от стрелы непробуждённый ихор не спасёт.

– Я всё это уже слышала. Но... – Терсия отложила щётку для волос, развернулась так, чтобы видеть в отражении зеркала мужа. С жаром воскликнула. – В этой клятой Хранителями Кузне погибает так много детей!

Нумеро поморщился:

– Лишь слабаки не выдерживают перековки.

Терсия поджала губы:

– Не ты ли скупился на похвалы сыну, не ты ли заставлял его из кожи лезть и всё равно оставался недоволен его силой?

Нумеро вспыхнул, ударил кулаком по свинцовому переплёту окна:

– Это другое! Это всего лишь никчёмное проклятье крови! Погибают лишь те, в ком мало ихора. В Лиале его с избытком. Что мой, что твой Дома несут за спиной по пять десятков поколений предков. Просто его огонь души немного ослаб, расплылся на два дара, а сейчас не те времена, не... – Нумеро сжал кулак. – Я сам пытался пройти по пути меча за пределы даров, овладеть вершиной Меча льда и света. Но Предков нет. Некому дать благословление. Нельзя расплыться. А Лиалу тем более. Думаешь, Атий успокоится? У него сын на два года старше. Едва Лиал пройдёт посвящение, как его вызовут на Играх.

Терсия запустила руки в волосы, дёрнула, не обращая внимания на боль, а лишь радуясь ей:

– Чтобы эти Игры канули в забвенье, вместе с Предками. Нужно было отказаться от них ещё тысячу лет назад, а не цепляться за традиции. Они не вернуться!

Нумеро при виде этого покачал головой. Терсия же продолжала жарко шептать:

– Прошла тысяча лет, мы нашли свой путь, возродили силу внешних техник. Ах, если бы адептов внешних техник допускали к Играм, Лиалу бы...

Нумеро не выдержал:

– Надеюсь, этого не будет. Мне и сейчас хватает и сумасшедших девок из Дома Осколков, а так дело дойдёт до того, что ты сама будешь выходить на арену, чтобы защитить наш Дом.

Терсия выпутала пальцы из волос, опустила руки, криво улыбаясь. То ли себе, то ли отражению Нумеро:

– А ты, конечно, этого не хочешь.

Нумеро в три широких шага оказался рядом с женой. Склонившись, сжал её в объятьях:

– Конечно нет. Пусть сейчас король и запретил сражаться до смерти, но поверь, когда Хранители берут плату с проигравших, когда у тебя из груди вырывают кусок пламени души, в этом мало приятного.

Терсия ударила Нумеро по плечу:

– Ну почему, ну почему твой прадед не решил всё раз и навсегда? Зачем он позволил ему отделиться от Дома?

Нумеро понял, что слов уже было сказано слишком много. Понял, что они совсем не действуют. И решительно закрыл рот Терсии поцелуем.

Глава 8

Креод повёл рукой:

– Это обычный дешёвый трактир, господин.

Я на всякий случай уточнил:

– Наш?

– Да, господин. Это самый край владений вашего Дома. Они все такие. Видели один трактир, видели все остальные, господин.

Я с отвращением оглядел грязь, в которой утопал двор. Трактирщик мог хотя бы соломы накидать. Как вообще появилась эта грязь, если всю неделю с неба не пролилось ни капли?

– А как выглядит дорогой? Надеюсь, чище?

Креод кивнул, но только на этом не остановился:

– Ещё отдельный зал для идаров, у таких трактиров на вывеске ещё нарисован меч. Или повешен настоящий. Бывает и отдельная конюшня только под граухов.

Помедлив, Креод нерешительно проговорил:

– Господин...

Не дождавшись продолжения, я поторопил его:

– Ну.

– Господин, с этого дня на людях я буду вести себя так, как мы и договорились. И вы тоже должны держать себя в руках.

Я фыркнул и тронул коня каблуками.

Мы проехали, пригнувшись в низких воротах, и двинулись по краю двора, чтобы не заставлять лошадей проваливаться в грязь. Сидевший под навесом стражник в синих и жёлтых цветах Дома Денудо при виде нас подавился морковкой. Заполошно вскочил, оправляя плащ и пытаясь пристегнуть меч.

Креод погрозил ему кулаком и приложил палец к губам. Стражник медленно кивнул и попятился от нас вглубь двора. Я лишь хмыкнул и отвернулся.

Вряд ли он узнал меня. Шёлковые одеяния идара давно в седельной сумке. На мне нет цветов Дома. Теперь на мне доспех бедного наёмника. Длинный, до колена стёганный красный халат-безрукавка. Сверху накинута короткая кожанка со стальной чешуёй от локтей до низа живота. Никакого герба Дома Денудо. Лишь на полах халата вышит древний змей, да на пряжке синего пояса чёрная оскаленная волчья морда, символ наёмников.

Так же одет и Креод. Так что стражник мог узнать его только в лицо.

Внутри трактира оказалось чище, чем снаружи. Правда светильники были на дешёвом масле, а фитили, похоже, никто и никогда не подрезал – они нещадно коптили. У матушки нерадивый слуга уже давно оказался бы наказан.

Впрочем, пацан, что подбежал к нам, выглядел так, словно только что вернулся с пробежки вокруг замка. И при этом тащил валун ничуть не меньше моего. Непохоже, что он тут отдыхает.

Скользнув взглядом по нашим запylённым за эти два дня доспехам, буркнул:

– Есть каша. И рыба, – подумав, негромко добавил. – Берите кашу. Рыба уже поржавела.

Я переспросил:

– А мясо?

Пацан перевёл безразличный взгляд на меня, пожал плечами:

– Нету мяса.

Креод хлопнул по столу ладонью:

– Давай кашу.

Должен признать, что запихал я её в себя с трудом, больше налегая на чёрствый хлеб, испечённый, наверное, ещё в начале десятицы. А после, ощущая, как она комом встала в животе, ещё долго ворочался на жёсткой лавке, пытаюсь сообразить, насколько же хуже была рыба, раз пацан советовал её не заказывать.

Один трактир сменялся другим. Не всегда они оказывались чище, но вот еда становилась всё лучше и лучше. Мне даже не нужно было спрашивать Креода о причинах этого. Достаточно было, покачиваясь в седле, подумать своей головой и вспомнить уроки сабио Атриоса.

У нашего Малого дома Денудо мало земель под посевы и мало хороших лесов. Зато много каменистых склонов и пустошей, где кости гор прикрывает слой земли толщиной не более пяди. Да и те изрезаны глубокими оврагами. А тот, первый трактир стоял там, где хоть кто-то из купцов может проехать мимо, не заезжая на земли Денудо. И при этом не выглядел как место, в котором не протолкнуться от людей. У нас в замке обоз с товарами и вовсе появляется лишь четыре раза в год.

А чем дальше от наших гор, тем больше лесов, тем шире реки и тем чаще встречаются поля. Да и земля под ногами совсем не та скудная и серая, смешанная с камнями, что покрывает наши владения.

Креод ткнул пальцем чуть в сторону:

– Оттуда будет замечательный вид, – следом, понимая, что дорога пустынна, добавил. – Господин.

Я молча ударил пятками коня, заставляя его перейти с шага на рысь.

На пригорке я остановил его, огладил ладонью по шее, успокаивая и хваля. Сам же глазел на открывшийся город. Второй город, что я видел в своей жизни.

Малые дома – это земли, чьё богатство не позволяет им закладывать города. Если на землях есть город, то это сразу даёт понять – владения полноценного Дома. Удел Малого – выселки и деревни. Только потому, что по горам проходит граница с Андамо, замки Малых домов так велики и так хорошо защищены. Впрочем, замок, в котором мы живём, выстроен ещё в дни величия Первого дома Денудо. И гораздо больше любого из замков любых других Малых домов севера.

Не раз на осенних ярмарках я видел таких владетелей, что живут всего лишь в большом каменном доме размером с нашу главную башню.

Креод тоже поднялся на пригорок и негромко сообщил мне то, что я и сам прекрасно понял:

– Вествок.

Вествок, крайний город севера, сердце Великого дома Опулето. И первая из земель севера на нашем пути, которая никогда не принадлежала Денудо. Владетель Опулето был нашим верным союзником, пока наш род не стал слабеть. Но и потом, когда Денудо начали своё падение, не взял себе и крохи наших земель. В отличие от многих других родов. Как сказал однажды отец: «Уже одно это достойно уважения».

На въезде Креод заплатил налог. За нас двоих и за лошадей.

Дав мне привыкнуть к сутолке и гаму, который царил на улицах города, Креод повторил то, что сказал мне на пригорке:

– Начнём с дела.

Добавлять «господин» в толпе, конечно же, стало против нашего договора. Но я уже и привык.

Кивнул Креоду и хлопнул коня по шее:

– Вперёд.

Нам нужно присоединиться к обозу какого-нибудь средней руки купца. Мелкие не нужны нам, потому что ищут не тех, кто просто поедет рядом, а тех, кто будет защищать обоз, настоящих наёмников с мечом, а не таких притворщиков как мы. Да и просто на слово не поверят,

потребуют рекомендательных грамот от нашего отряда или хотя бы имён тех, кто за нас поручится.

Большим не нужны мы. У них и без того всё хорошо и с охраной, и с прибылью. Наши деньги не заставят их изменить этого решения.

Так что мы ищем того купца, у которого есть своя охрана, но при этом он не так уж и доволен делами, не боится пяти-десяти мутных попутчиков, и не откажется от лишних денег из их рук.

Я в этом мало что понимал, поэтому молча следовал за Креодом из одного постоянного двора в другой. Но едва мы оказывались на улице, задавал вопросы. Не дело, что без него я полностью беспомощен. И отец, и матушка не раз говорили, что нельзя требовать от других того, в чём ты сам не разбираешься. Поэтому я могу даже подковать грауха. Криво и косо, но могу. А ещё могу...

Креод недовольно прикрикнул:

– А ну, с дороги!

И щёлкнул языком. Конь под ним захрипел, ничуть не хуже грауха, наклонил голову, пошёл вперёд, впечатывая копыта в мостовую. С его пути порскнули в стороны какие-то оборванцы, что загораживали нам выход с узкой улочки.

Я проводил их взглядом и убрал пальцы с рукояти меча.

За крохотной площадью, почти целиком забитой людьми, повозками и лошадьми, Креод спешился. Ведя коня за узду, двинулся в ворота. Я тоже соскочил с седла, едва не вляпавшись в конские каштаны. Скривившись, поспешил следом.

Спустя десяток минут мы наконец нашли купца: гладко выбритого широкоплечего здоровяка с кинжалом на поясе и пронзительно голубыми глазами, которые достались ему с кровью уроженца королевства Лано. Двадцать поколений назад закончилась война с ними. С тех пор у нас чаще можно встретить такие глаза.

Купец окинул взглядом наших коней, оглядел нас самих. Проследив его взгляд, я поправил пояс, потуже перетягивая доспех.

Купец отвёл глаза и кивнул:

– Почему бы и нет. Ездили уже?

Креод спокойно ответил:

– Я-то много раз, а вот у племяша первое путешествие.

Купец почесал щеку, пожал плечами:

– У меня всё как у всех. Общий котёл и прочее.

– Ну и отлично. Сколько?

– Скажем... – Купец, помедлив, предложил. – Пятнадцать монет для ровного счета.

Устроит?

Теперь кивнул Креод:

– По рукам.

Они хлопнули другу друга по ладоням, купец, приняв монеты, сообщил:

– Отправляемся через два дня. Ночевать пока можете в конюшне. Своих пока кормите сами, лишнего овса у меня нет.

Креод хмыкнул:

– Два так два.

И потянул коня за повод. Я молча двинулся следом за ним.

Не могу сказать, что поездка с обозом сильно отличалась от путешествия в одиночку. Разве что рядом постоянно кто-то болтал: купец, охрана, возницы. Да готовили по вечерам сразу на всех, не нужно стало заботиться об этом.

А так все те же дороги, все те же поля вокруг. Только пыли стало больше. Но мы почти всегда ехали в голове обоза, рядом с купцом, так что её не глотали. Ещё меня радовало, что вокруг с каждым днём становилось всё больше лесов.

То и дело в чаще мелькали олени и лисы. А вот люди, к счастью, там не прятались.

Правда, как выяснилось через пару недель пути, многим и прятаться не нужно было.

Едва мы выползли из леса, как купец выругался:

– Чтоб их дети позабыли имена этих сволочей! Опять!

Я привстал на стременах, чтобы увидеть чуть побольше. Река, неширокий мост на деревянных сваях, на том берегу несколько палаток, возле которых торчат древки флагов. На них белый, красный, синий и жёлтый цвета. Цвета Дома Матон, если мне не изменяет память.

Креод недоумённо спросил:

– Что не так?

Купец огрызнулся:

– Всё не так, приятель. Этот придурок, одно слово что владетель, снова бесится с жиру.

Собрал дружков и не даёт переезжать мост. А давать крюк в две десятицы не хочу уже я.

Креод хмыкнул:

– Много просит за переправу?

– Да вообще не берёт денег, – Купец хлопнул себя по бедру. – Говорю же – с жиру бесится.

Требует, чтобы с ними дрались.

Резко повернувшись к нам, купец смерил нас задумчивым взглядом:

– Может, вы бы...

Креод вскинул руки:

– Ты в своём уме уважаемый? Нас за такую наглость тут же вздёрнут! Поднять руку на владетеля Дома или его людей? По-твоему, мы из Осколков?

Купец, будто и не услышав Креода, вздохнул:

– Да и вас всего двое, не потянете. Придётся опять ждать удачи.

Отвернувшись, потеряв интерес, громко закричал:

– Бездельники, радуйтесь, настало ваше время! Съезжайте с дороги, разбиваем лагерь перед самым мостом! Перед самым! Чтобы и телеги между нами и берегом было не всунуть!

С того дня миновало две десятицы. Те самые две десятицы, которые купец пожалел для крюка в обход. Только выбрав другой путь, мы бы сейчас с каждым днём становились ближе к центру королевства и Кузне, а так продолжали торчать на одном месте.

И Креод, и я уже начали беспокоиться: наш запас времени на дорогу тоже таял с каждым днём. А счастливого случая, которого по обещаниям купца ждать нужно было два, самое большое три дня – всё не случилось.

Креод негромко предложил:

– Давайте завтра с утра? – и поскольку близко не оказалось вообще никого, добавил уже даже позабытое. – Господин?

Я кивнул. Он предлагал оставить обоз, отъехать за лес и переправиться через реку вплавь. У нас-то нет тяжело груженных телег, нам не нужен мост.

Ждать дальше нет смысла. Уже весь спуск от леса к реке заставлен подводами. Здесь сейчас скопилось три больших обоза и почти десяток малых. Все они съезжали с дороги, оказавшись перед непреодолимым препятствием: сидящем в кресле на той стороне моста владетелем Дома Матон.

Поднять руку на владетеля? За это преступление для любого простолюдина наказание только одно – смерть.

Впрочем, на нашем берегу ждал удачи и почти десяток слабых идаров, выходцев из Малых домов, побочные их ветви, живущие с меча, имеющие право на свой герб, но не включённые в списки поколения албо или диа своего Дома.

Впрочем, это было справедливо. То, что они продемонстрировали в схватках на мосту, меня совершенно не впечатлило. Тот же Флайм и то умел больше на пути меча. Ни один из тех, что вступал на мост, не показал ничего большего, чем обычный Мечник: использование внутренних техник, сила и крепость тела, первые движения пути меча.

И эти слабаки бросали вызов владельцу Дома? Я подозревал, что он самое малое Возвышенный мечник, а может быть и Паладин меча.

Да он и не один на том берегу. И я не говорю о простых солдатах его Дома. С ним там пировало сегодня не меньше двенадцати носящих гербы идаров из других Домов и два идара адепта внешних техник. Каждый раз, когда владелец Матон побеждал, то милостиво присылал одного из них к проигравшему, чтобы залечить его раны и дать шанс на ещё одну схватку.

Скуластый здоровяк, носящий герб Малого дома Апойо, к примеру, уже шесть раз дрался с владельцем Матоном. Но такой упрямец на нашем берегу только один. Хотя трусости остальных я не понимал. Отличный случай, чтобы получить урок от великолепного мечника, это позволило бы им шагнуть чуть дальше в пути меча и более полно использовать дары Хранителей.

Жаль, что я ещё не имею права на вызов. Жаль, что отец приказал скрывать своё имя. Иначе я бы не упустил такой шанс.

От мыслей меня отвлек стук копыт. Следом раздался довольный выкрик нашего купца:

– Ну наконец-то Хранители обратили на нас свой взор!

Мы так и стояли самые первые от моста. Поэтому кавалькада всадников на иссиня-чёрных огромных граухах, сопровождавшая карету, остановилась точно рядом с нами. Мало того что под воинами были великолепные граухи, так они ещё и все щеголяли в лёгких, развевавшихся на ветру шёлковых ханбоках, наглядно демонстрируя силу крови Предка в жилах.

Идары, носящие в жилах ихор и дары предков, идары, которым не нужны доспехи.

Передовой всадник, высокий и худой мужчина в синих одеяниях, безошибочно нашёл взглядом купца, поманил его пальцем:

– Что тут творится?

– Ваше сиятельство! – Купец согнулся, едва не коснувшись земли рукой.

Я поморщился. На мой взгляд он сильно польстил идарам. Обращаться к простым слугам, как к владельцам полноценного Дома? Конечно, они все Мечники, самое меньше, но я не вижу гербов на левой стороне груди, а значит, они либо из побочных ветвей, либо отказались от своих Домов ради служения чужому. То, на что в прошлом году намекал отец, заведя со мной разговор об обычаях юга и службе там.

Непонятно только, какому Дому они служат. На карете нет герба. И нет даже цветной ленточки, которая намекнула бы на род.

А купец подскочил ближе ко всаднику, запрокинул голову:

– Его сиятельство Матон требует испытания веры и крови для всех, кто пытается проехать через его мост.

Худой всадник хмыкнул:

– Каков наглец, – махнул рукой одному из своих спутников, – Эсбелт, проучи его.

Купец затараторил:

– Ваше сиятельство, ваше сиятельство, с его сиятельством ещё много его друзей. И они требуют того же самого.

Теперь уже все всадники переглянулись, их главный, тот, что худой и высокий спросил:

– А адепт у владельца Матона есть?

– Даже два, ваша милость.

Худой ухмыльнулся:

– Тогда сделаем это быстро.

Шестеро всадников дружно спешили. Один из них бросил нам на ходу:

– Не вздумайте тянуть лапы к граухам, откусят не пальцы, а руку по локоть.

Я криво улыбнулся. Хорошее предупреждение. Выходит, их животные обучены, как граух отца? Признавать только одну руку? Граухи для боя.

Впрочем, совет хорош для любого другого, но не для меня. Не знаю уж в чём тут дело, но граухи, неважно какие, даже самые норовистые и обученные признавать только одного хозяина, сами ластились ко мне, стоило подойти поближе. Исключений я ещё не видел.

Даже граух владельца Великого дома Хонесто, его светлости Ирмая – позволил мне себя гладить и не скалил клыки. Глаза его слуги я помню до сих пор.

Четверо оставшихся на месте всадников подали ближе к карете, буквально закрывая её своими телами.

Из неё донёсся полный силы и спокойствия голос:

– Гийом.

Тот, что заговорил с нами первым, высокий и худой, обернулся:

– Да, ваша светлость.

Рядом со мной крикнул возчик. Я и сам впился взглядом в карету. Светлость – это обращение к владельцу Великого дома. А их не так уж много в королевстве. И они могут позволить себе и подобных граухов, и слуг из сильных идаров.

Тут мне пришлось напомнить себе, что это в нашей семье есть только я, наследник, да ещё отец. Албо и дия Дома. А ведь обычно семья это четыре поколения. Может быть, в карете старейшина или хранитель традиций? Амо или деко Дома. Хотя нет. Хранителем стал бы мой прадед, а голос из кареты не настолько стар. Он вряд ли и старейшина. Мне кажется, человек в карете не старше моего отца.

– Гийом, мне не нравится, что кто-то вспоминает традиции, которым самое место под могильной плитой. Накажи этого Матона.

Высокий ухмыльнулся:

– Да, ваша светлость.

– Но не перегни палку. Я не собираюсь разбираться, если ты его убьёшь. У меня нет сейчас на это времени. Сдерживай меч.

– Да, ваша светлость.

Теперь крикнул Креод. И я его отлично понимал. Королевским эдиктом дуэли и давно забытые испытания крови и веры в Предков должны происходить без смертей, носящих в жилах дар ихора. Наказание – смерть убийцы, пусть даже случайного. А по словам того, кто сидит в карете – его это совершенно не волнует, и только спешка не даёт ему так сильно наказать владельца Матона. Да кто он такой? Сын короля? Помню, два года назад на ярмарке, ребята рассказывали мне одну нехорошую историю...

Но мне некогда было гадать: идары стремительно пересекли полосу дороги между каретой и мостом, только плащи хлопали на ветру.

Едва они сделали первый шаг по доскам, как раздался довольный крик владельца Матона:

– Я требую поединка веры и крови от каждого, кто входит на этот мост!

Гийом, которого я теперь видел только со спины, выхватил из ножен свой меч и воскликнул:

– Предки давно ушли и не следует пачкать память о них. Хранители разжигают ихор и одаряют нас дарами ушедших Предков. И этого довольно. А вы лишь нарушители эдикта короля. Все споры идаров должны решаться только после клятв алтарям Хранителей.

Матон прокричал:

– И у вас алтарь с собой верно?

– Нет, но это не помешает мне проучить вас. И поверь, сил мне и моим братьям хватит.

Матон захохотал:

– Братья, ко мне! Наш мост веры атакуют!

Я заскочил на ближайшую повозку, чтобы лучше видеть.

Первый дар Предков – возможность использовать огонь души в техниках, которым они обучили всех тех, кто видел их сошествие со звёзд.

Это дар доступен сейчас многим, кто молится у алтарей Хранителей, прошёл обучение у идаров и на втором посвящении всё же зажёт ихор в крови. Все старшие солдаты отца способны использовать первые из Тридцати шагов северной тропы или усилить удары меча. Любому, даже если в его жилах нет ихора. Осенённые милостью Предков. Вернее, осенённые Хранителями, которых Предки оставили беречь нас.

Но вот второй дар – выносливость и сила, дарованы только тем, в ком ихор течёт хотя бы несколько поколений. Идарам. Его ещё называют истинным даром, даром по рождению. Он делает нас в разы сильнее любого простого человека. Именно поэтому мне было так обидно раз за разом проигрывать Флайму. Пусть я ещё не проливал свою кровь на алтарь Хранителя севера, но одного то, что во мне бежала кровь десятков поколений предков, должно было делать меня сильнее Флайма. Но не делало.

А значит, Флайм и впрямь был Принятый. Идар по крови. Просто я не хотел в это верить. Даже после слов матушки.

По шёлку одеяний сходящихся на мосту идаров пробежала синева.

Третий дар Предков – крепость тела, что делает наши тела прочней стали. Это обычным воинам нужны доспехи, идарам – нет. И это первый из даров, который даруется только в день обряда у алтаря Хранителей.

Мечник.

Если десяток простолюдинов решит напасть на Мечника, они ничего не смогут ему сделать, даже если он будет безоружен. А если он будет ещё и с мечом в руке...

Если же они начнут закидывать его стрелами, то в дело вступит четвёртый дар Предков – защита от стрел. Они просто не коснутся одеяний идара. Если, конечно, идар этот дар получил.

И стал Возвышенным мечником.

На бегу владетель Матон взревел:

– С нами вера Амании!

В это же мгновение его фигура засияла. Этот свет коснулся одеяний бежавших перед ним и остался гореть на шёлке.

Я прищурился. Как я и опасался – при посвящении ему досталось пять даров, он получил титул Паладина меча.

Воодушевление.

Паладины меча это те, кто ведут в бой отряды, поддерживают уставших, ободряют отчаявшихся. Один его призыв этого дара может перевернуть исход боя.

Здесь правда не бой, но проторчать у моста ещё десятицу? Нет уж. Я буду надеяться, что этого призыва не хватит Матону, чтобы его люди справились с охраной неведомого мне светлости. В битвах идаров не всегда всё решает только количество даров. Иногда важно и то, насколько хорошо они могут использовать то, что внутри нас. Как далеко идары зашли по пути меча и сколько огня души могут вложить в его движения. Так говорил отец.

Не зря же эти шестеро так отважно бросились против владетеля Матона и двенадцати его друзей.

Через мгновение я позабыл о своих мыслях, потому что Гийом вскинул руку с мечом вверх. Он не прокричал ни слова, но его засиявший меч сказал всё лучше любого возгласа. Как и сияние, что охватило одежды бегущих за ним.

Паладин меча. Он тоже Паладин меча. Редко какой владетель Малого дома может похвастаться такой силой ихора. И при такой силе Гийом отказался от герба ради служения?

Ровно на середине моста два отряда столкнулись, лязгнув сталью. Пока что только простые идары, оба Паладина меча сбавили бег, оставшись за их спинами. И позволив им померяться силой.

Пусть я и оказался после проклятия крови слабей, чем положено сыну Великого паладина меча с пятью десятками поколений предков за спиной, но глаза мои были зоркими. Я десятки раз наблюдал за тренировками отца с мечом.

Уверен, мало кто из простолюдинов вокруг меня сумел увидеть всю красоту схватки – слишком уж быстро для них мелькали мечи, оставляя за собой сияющие оттенками всех цветов всполохи. Для них, но не для меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.